

Сергей Антонов

Процессор Времени

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сергей Антонов
Процессор времени

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Антонов С. В.

Процессор времени / С. В. Антонов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

История движется по спирали, а в будущее - повторение прошлого в измененном виде. В этом убеждается главный герой, оказавшись в постядерном мире. Его задача - выполнить свою миссию, не нарушив при этом баланс времени. Наградой за это будет избавление от детской фобии, а жертвой - разлука с любимой. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пролог

Три крытых брезентом грузовика на черепашьей скорости пробирались через Москву. Мимо чудом сохранившихся и почти до основания разрушенных домов. По улицам, запруженным толпами оборванных людей с искаженными от страха лицами и диким выражением глаз.

Ужас витал над городом. Им были пропитаны и утренний воздух, и серые стены зданий, и взгляды жителей мегаполиса.

Еще недавно казалось, что все самое страшное позади. Первая Ядерная, хоть и с огромными потерями, но пережита и жизнь постепенно налаживается. Не тут-то было! Радиация чуть помедлила, прежде чем дать свои страшные всходы. Сначала из своих подземных убежищ на поверхность вышли крысы. Их серые лавины нагло разливались по улицам днем и ночью, затекали по подъездам, просачивались в квартиры. Грызуны были голодны также, как люди. Поэтому бои за каждый кусок пищи были жестокими. Победитель, независимо от того крыса или человек это был, получал в награду труп побежденного.

Чуть позже на арену пережившего ядерный катаклизм города вышли псы-мутанты. Эти были крупнее крыс и потому гораздо опаснее. Они заявили в Москву с окраин. Властям пришлось вновь ввести чрезвычайное положение, но сообщения о новых жертвах собак-людоедов продолжали поступать.

Головной грузовик затормозил на перекрестке. К кабине подошли три солдата. Проверка документов длилась минут пять. За это время на дороге скопилась внушительная пробка. И опять движение со скоростью десять километров в час. Бесконечные повороты и объезды.

За городом заторов было меньше, как и самих автомобилей. Москвичи не рисковали выезжать за пределы пятого транспортного кольца.

Колонна свернула с автострады в лес. Вскоре выложенная бетонными плитами дорога уперлась в обшарпанные, некогда выкрашенные зеленой краской ворота с парой красных звезд. Вновь проверка документов.

Наконец, молоденький солдат распахнул ворота.

Машины въехали на территорию части и остановились на плацу.

– Выходим! – скомандовал пожилой мужик, на лице которого отчетливо читалась принадлежность к славному семейству старшин. – Строимся!

Откинув брезентовые пологи, из грузовиков выпрыгивали рослые, затянутые в камуфляж парни. Безоружные, но внушающие почтение шириной плеч и объемом мускулов. Продолжатели дела «Булата» и «Альфы» выстроились в шеренгу.

– Р-р-равняйся! Смир-р-рно!

Из кабины первой машины выпрыгнул невысокий кряжистый мужчина лет сорока. Лицо его было скуластым, а глаза – чуть раскосыми. Свидетельство того, что в жилах текла не только европейская, но и азиатская кровь. На пятнистых погонах зеленили три полковничьих звездочки.

Пружинистой походкой он прошел от начала до конца шеренги. Бросил пару слов старшине и повернулся лицом к строю.

– Вольно, хлопчики. Для тех, кто не в курсе, я – полковник Тукмачев.

Спецназовцы заулыбались. Они не могли не знать легендарного полковника, о геройстве которого слагались баллады.

– Я поработал с целой горой личных дел и отобрал три десятка тех, кто подходит для выполнения ответственного правительственного задания. Так что можете считать себя лучшими из лучших. Но это все лирика. Теперь к делу. Пункт назначения – Минск. Семьсот двадцать километров, из которых передвигаться на машинах мы сможем в лучшем случае двести. Думаю, что от Смоленска придется топтать на своих двоих. Сейчас вы получите необходимое

оружие и снаряжение. У Великой Белорусской Стены нас встретят друзья. Двадцать восьмого июня, ни позже, ни раньше мы должны соединиться с частями белорусской оппозиции и вступить в город. Вопросы?

– У нас, что ли здесь дел не хватает, товарищ полковник? – поинтересовался здоровяк с бычьей шеей и квадратной челюстью. – Я вот слыхал, что у белорусских братьев все в ажуре. Их ведь война стороной обошла. Говорят, стабильно все там. И власть Верховного Председателя сильна, как никогда.

Пришел черед улыбнуться Тукмачеву.

– Стабильно. Как на кладбище. Отвечу просто и доходчиво. Оборзел их Верховный Председатель в корень. Пора его стреножить. Вы ж не против того, чтобы протянуть братьям-славянам руку помощи?

– Не против! – не унимался здоровяк. – Только выглядит это, как вмешательство во внутренние дела суверенной страны.

Тукмачев перестал улыбаться.

– Гм... Суверенной. И откуда ты, боец, таких слов нахватался? А знаешь, сколько шпионов, работающих на белорусские спецслужбы шастает сегодня по Москве и, пользуясь нашей неразберихой, ведет переговоры о присоединение России к Белоруссии на белорусских условиях? Так-то. Скажу больше: их Верховный Председатель намерен возглавить мировое правительство. И начнет свою экспансию с ближайшего соседа, то есть – с нас. Вот и получается, паря, что защищаем мы все-таки свои, расейские интересы. Еще вопросы? Добре. Раз у матросов нет вопросов, тогда – час на сборы и по коням!

Часть первая

Глава 1

Фортуна показала Марату Вербицкому свою филейную часть еще утром. Началось с того, что он не услышал будильника и не уехал с соседом-бомбилкой, который домчал бы его до Минска без всяких хлопот и денежных затрат. Как следствие пришлось дожидаться толстозадой бухгалтерши и выбивать у нее командировку. Тут же нарисовалась масса других неотложных и никому не нужных дел. В итоге Вербицкий выдвинулся на вокзал только в конце рабочего дня. Причем без всяких гарантий на быстрый отъезд. Перед побегом из редакции Марат забыл позвонить и узнать расписание.

Таким образом, гроза в этой веренице неудач не стала большой неожиданностью. Приближение непогоды Вербицкий почувствовал еще за несколько минут до того, как все началось. Сначала порыв ветра взметнул с земли тучи песчинок и даже когда они осели, воздух продолжал оставаться сухим и горячим. Потом небо потемнело, налилось свинцовой тяжестью, а солнце окутала липкая паутина серых облаков. И лишь после того, как природа завершила предварительную подготовку, раздался первый раскат грома. Еще робкий, прячущийся где-то за линией горизонта, но весьма многообещающий. Дальше все пошло как по маслу – новый раскат, ослепительный зигзаг молнии и тяжелые, как чугунные гири, капли дождя, плюхнувшиеся на асфальт.

Если ненастье Марат не жаловал, как любой среднестатистический человек, то железнодорожные вокзалы его откровенно пугали. По личным и давним причинам.

В этот летний вечер силы природы и фобии, мучившие Вербицкого, явно объединились для того, чтобы усилить взаимный эффект.

Такое случается и в просторечье именуется черной полосой. Других объяснений тому, что ближайшим местом, где можно было укрыться от грозы, был железнодорожный вокзал, у Марата не нашлось.

Одноэтажное, приземистое здание находилось меньше чем в пятидесяти метрах и призывно поблескивало арочными, сделанными по всем правилам железнодорожного кодекса окнами. У Вербицкого было всего лишь несколько секунд на раздумья, но он бездарно истратил их на осмотр двускатной жестяной крыши, бело-синих стен и часов над входной дверью. И вот когда хлынул ливень, о цивилизованном отступлении не могло быть и речи. Оставалось лишь паническое бегство.

Прикрывая голову пластиковой папкой, Марат ринулся к спасительной двери и почти сразу угодил ногой в одну из луж, которые образовывались на асфальте привокзальной площади с поразительной быстротой. Штанина новеньких джинсов, джинсов всего несколько дней назад с невероятной тщательностью выбранных из сонма товаров на городском рынке, оказалась забрызганной до колена.

Впрочем, эта досадная случайность была забыта. Между Маратом и дверью вокзала имелось еще несколько луж. И когда он, наконец, взялся за ручку двери, великолепные штаны успели превратиться в подобие джинсов ковбоя, проскакавшего по безлюдным прериям не одну сотню миль.

Новая вспышка молнии сопровождалась душераздирающим треском. Трах-ба-ах! Однако Марату на это было уже наплевать – он успел проскользнуть в здание вокзала. Мокрый и тяжело дышащий он ожидал встретить заинтересованные взгляды скучающих пассажиров. Однако в зале ожидания массовости не наблюдалось. Лишь у окошка кассы стояла бабулька,

облаченная в вязаную безрукавку, унылое темно-серое платье и не по сезону теплые сапожищи с меховыми отворотами.

Остальных пассажиров, возможно, скрывали подпиравшие потолок квадратные колонны. Потоптавшись на месте, Марат направился к зеркалу. Привести в порядок мокрые волосы и мысли, спокойное течение которых нарушило вмешательство стихии.

Близнец Марата, живший в зазеркальном мире, выглядел мужчиной лет тридцати. Среднего роста. Сероглазый. Ничем не примечательный типчик. Разве что взгляд... Так смотрят на свет божий те, кого однажды трахнули пустым мешком по голове. Наивно и в то же время цинично.

Зазеркалец сунул папку подмышку, пригладил пятерней волосы и подмигнул Вербицкому. Здорово, приятель! Ай-я-яй! Во что превратились твои великолепные джинсы! Возможно, когда они подсохнут, то будут выглядеть не так жалко... Хотя это вряд ли исправит общее впечатление. Если правда то, что встречают по одежке, то тебя должны приветствовать прямым левым в челюсть. Думаешь, красная футболка с изображением бородача Че добавляет твоей персоне нигилизма? Брось, парень. Для революционера у тебя слишком сытая рожа...

Выслушать весь перечень издевательств двойника Марата не успел. Вновь грохнуло. Да так, что на долю секунды показалось – стены вокзала не устоят под напором разгулявшейся стихии.

Под дребезжание оконных стекол, дергавшихся от ударов струй ливня, Вербицкий принял единственно верное, как ему казалось решение. До Минска, где он должен появиться никак не позже чем утром, все еще можно было добраться автобусом. Старым доброй четырехколесной колымагой. Вполне безобидной. Создающей у пассажиров иллюзию скорости за счет поскрипывания, дребезжания и подпрыгивания на каждом ухабе.

Не вмешайся гроза, Марат именно на автобусе и поехал бы. Теперь приходилось корректировать планы. Добираться до автовокзала в такой ливень было глупо. Гораздо проще пересечь перрон и преспокойно уехать поездом. Времени дорога займет столько же. А скоротать его поможет очередной раунд борьбы с боязнью железной дороги. Опять-таки статистика. Поезда сходят с рельс значительно реже транспорта, передвигающегося по шоссе.

Ободренный этой мыслью Вербицкий собирался идти к кассе, но, сделав первый шаг, застыл на месте. Сердце превратилось в кусок льда, а из груди, не сожми Марат вовремя губы, обязательно вырвался бы крик. Сосредоточившись на своем отражении, он не заметил еще одного пассажира, сидевшего у окна в дальнем углу зала. Весьма примечательного пассажира. Тот наклонил голову и увлеченно возился со скрученным в трубочку обрывком газеты. Марат не мог оторвать глаз от пальцев мужчины. Если бы не их желтые от никотина кончики, Вербицкий мог рассчитывать на ошибку. В конце концов, длинные до плеч, посеченные седьмой волосы носил не только Владимир Петрович Глухин. Как и серый, выдавший виды мятый пиджак. В таких ходили все полуголодные интеллигенты. Вот и потертый кожаный портфель, притулившийся у ног пассажира, раритетом не являлся. Весь набор одежды и предметов мог оказаться простым совпадением. Все за исключением одного – в двадцать первом веке мало кто набивал «козью ножку» самосадам с помощью шариковой ручки. Так, на памяти Марата делал только Глухин. Неспешно. С расстановкой и сознанием важности такого процесса, как утрамбовка табака.

Петрович, как его звали дружки-журналисты, приучил организм к самосаду в лихие девяностые, когда с сигаретами был напряг. Позже привычек менять не стал. Благодаря Глухину в редакции «районки» всегда стоял стойкий запах самосада, а на столе у заместителя редактора всегда лежала газета и линейка, чтобы отрывать ровные куски бумаги.

Заправив очередную самокрутку, Петрович прикуривал, затягивался и раздражался кашлем. По нему узнавали, что Глухин на месте. Иногда его увлечение самосадам приводило

к курьезам, над которыми до упаду хохотали все журналисты. Так, однажды Петрович скурил какой-то важный райисполкомовский документ, за что получил взбучку от шефа.

Впору улыбнуться этим милым воспоминаниям. Однако Вербицкому было не до улыбок. Он был близок к тому, чтобы довершить уничтожение штанов, обмочившись. Человек, который мирно занимался своими делами в дальнем углу зала ожидания, умер восемь лет назад. Умер плохо.

Как все гении, а Петрович был именно гением, он аккуратно, не меньше раза в месяц уходил в запой. Холостяк, презрительно относившийся к тому, что называется здоровым образом жизни, с горьким смехом говорил:

– А чего мне его беречь, здоровье-то? Семью я потерял. О сыне вспоминаю только когда алименты плачу. В общем, живу сам для себя. Помру вот, никто и не всплакнет. А ведь помру. Цыганка как-то нагадала, что только до пятидесяти дотяну. На кой хрен мне в таком случае здоровье? Нет уж. Лучше сотку всосать, да самосадам затянуться, чем здоровым в гроб ложиться.

В последний запой к Петровичу прилетели инопланетяне. Он героически отбивался от них шваброй. Соседям по подъезду пришлось вызывать неотложку и милицию. Несмотря на то, что из психиатрического диспансера Глухин вернулся в отличном расположении духа, Марат видел: от прежнего Петровича остались только воспоминания. Дурдом подкосил мужика. Сник, постарел Петрович. Шутки его и раньше не слишком веселые, окончательно стали заупокойными. Выпив с друзьями, он не становился разговорчивее. Все чаще молчал, погрузившись в свои думы, и яростно затягивался самосадам. С работы Глухин вскоре уволился. После этого Вербицкий встречал его всего пару раз. Петрович выходил из дома только для того, чтобы затариться дешевым вином. Изредка ездил в гости старикам-родителям. Вел очень замкнутый образ жизни.

Последняя встреча бывших коллег по цеху состоялась именно на этом вокзале. Марат никуда не уезжал. Просто заметил знакомую, согбенную фигуру и решил поздороваться с Петровичем. Тот сидел там же, где и сейчас – в дальнем углу. Вербицкий отлично помнил рукопожатие Глухина. Его сухую и вялую ладонь. Ладонь больного человека.

Петрович без особого интереса спросил о редакционных новостях, почему-то называя Марата по имени-отчеству. Сообщил, что отказался от операции по удалению гематомы, на которой настаивали врачи.

– И так, и этак копыта откину. Нечего им в моей голове ковыряться... Выпить бы на дорожку, Марат Сергеич. Компанию не составишь?

Через три дня Петровича нашли мертвым в квартире. Он, видать, переборщил с выпивкой на дорожку, никуда не уехал, а продолжил тупо бухать. Цыганка соврала – до пятидесяти Глухин не дотянул целых четыре года.

И вот теперь он сидел на своем коронном месте. Как ни в чем не бывало, набивал самосадам газетную трубочку. Марат тряхнул головой в надежде, что оживший мертвец исчезнет. Хренушки. Глухин не собирался растворяться в воздухе. Как теперь быть? Бежать? Марат опасался, что если сделает хоть одно движение, то Петрович обязательно поднимет голову заметит его и... Придется здороваться. Интересоваться тем, как Глухина занесло в мир живых... Привет. Вот только не надо петь песен о том, что у тебя все нормалек. Ты умер, Владимир Петрович. Похоронили тебя на родине, в соседнем районе. Мы даже собирались навестить всей компанией твою могилу. Хотели, да Бог хотения не дал. Сначала откладывали. Потом стали избегать этой темы. Прости, Петрович, но у живых на самом деле полно проблем. Если ты заявился, чтобы отругать меня за то, что не нашел времени почтить твою память... Считай, что добился своего. Ругать меня уже нет необходимости. Хватит и того, что напугал до усрачки. Исчезни. Вернись в мир теней.

Мертвец не желал слушать увещаний Вербицкого. Упорно тыкал ручкой в отверстие трубочки. И тут Марата пронзила догадка. Неожиданный, невероятный ответ на все вопросы.

Он не видел Петровича мертвым. Не был на похоронах. Что если Глухин был при смерти, но его успели откачать? Почему бы и нет? Петрович долго валялся в больнице. Потом уехал к родителям, а его смерть – не более чем дурацкий слух. Кому как ни тебе Вербицкий знать, с какой легкостью распространяются бредни в провинциальном городишке? Манька сказала Ваньке. Ванька сказал Саньке. И – пошло-поехало... С этой точки зрения все выглядело вполне логично. Глухин обиделся на товарищей, которые похоронили его заживо. Поэтому не заходил в редакцию, не пытался доказывать, что слухи о его смерти сильно преувеличены. Просто жил... Таскался в своем поношенном пиджачке от дома до вокзала. Носил любимый затертый портфель, где, конечно, лежал стандартный набор старого журналиста и холостяка: пара книг, да бутерброд из двух долек батона и кружка молочной колбасы.

Вербицкий вздохнул с облегчением. Сейчас он повернется. Подойдет к Петровичу и поздоровается. Все объяснится. А здорово все-таки, когда друг, которого считал мертвым, оказывается живее всех живых!

Марат уже подыскивал нужные для начала разговора слова, когда за окнами полыхнула молния. Ослепительная вспышка сделала контуры всех предметов неестественно четкими. Изменилось все, включая Глухина. Его плоть сделалась прозрачной. Когда Марат увидел стальную головку болта спинки стула, поблескивающую сквозь плечо Петровича, стало ясно: в зале ожидания сидит привидение. Сгусток энергии, оставленный Глухиным при жизни и материализовавшийся благодаря чересчур пылкому воображению Вербицкого. Нет, не стоило ему идти сюда. Марат еще раз убедился: от железной дороги не стоит ждать ничего хорошего.

В отчаянии, надежде уцепиться хоть за какой-то осколок реальности, Вербицкий обернулся к кассе. Старушка исчезла. Возможно, она тоже была призраком. Чьим-то воспоминанием. Марат закрыл глаза. Раз. Мать вашу. Два. Когда он досчитает до пяти, привидение сгинет. Все вернется на круги своя и он просто возьмет чертов билет. Вокзал ведь существует. Четыре. А значит, билетами торгует живой человек. Пять! Прежде чем открыть глаза Вербицкий повернулся к зеркалу спиной. Двойной удар в солнечное сплетение потустороннего мира. Даже дураку известно, что зеркала искажают реальное положение вещей.

Все ухищрения оказались напрасными. Вместо того, чтобы исчезнуть, призрак мертвого журналиста поднял голову. Когда-то карие, а теперь подернутые желтизной глаза уставились на Марата. Это на самом деле был Петрович. Знакомые морщинки у глаз. Складки по краям рта. Бледные губы. Застегнутая на верхнюю пуговицу сорочка с загнутыми вверх уголками воротника. Серый, грубой вязки джемпер с треугольным вырезом. Все как при жизни.

Петрович сунул готовую сигарку в угол рта. Подхватил, вставая со стула свой портфель. Марат порадовался тому, что призрак не обращает на него внимания. Чудненько. Вот только Глухин явно направляется к входной двери. Значит, пройдет мимо. Вербицкий сжал ладони в кулаки. Вытерпеть. Не дергаться. Всего несколько секунд. Ничем не выдавать своего волнения. Пусть мертвец идет, куда ему вздумается.

Петрович двинулся на Вербицкого. Свободную руку он сунул в карман брюк, в поисках спичек.

Марат ожидал, что ощутит могильный холод в момент, когда Глухин поравняется с ним. Однако ничего не произошло. Призрак продефилировал мимо без всяких фокусов и, как полагают выходцам того света, прошел сквозь закрытую входную дверь, не утруждая себя ее открыванием. Вот и все.

Вербицкий с облегчением перевел дух. Смахнул со лба выступившие капли пота. Привидится же такое! Вот уж действительно: есть многое на свете, что и не снилось нашим мудрецам. Теперь все страхи позади. Марат плюхнулся на ближайший стул. Вытянул ноги. На улице продолжала бушевать гроза. Небо раскалывали молнии и где-то, среди тугих струй ливня раскачивал призрак с «козьей ножкой» в зубах.

Пусть себе. Зато здесь покойно и уютно. Вербицкий отметил режущую глаз чистоту. Новенькие, уложенные в шахматном порядке черно-белые керамические плитки на полу. Обитые светлым пластиком стены. Большой прямоугольник расписания движения поездов с колонками букв и цифр. Все чинно-благородно. Цивилизация добралась и сюда. Он так давно не бывал на железнодорожных вокзалах, что в памяти они сохранились совсем другими. С обшарпанными фанерными стульями, непременной побелкой на стенах, к которым стоило прислониться только один раз, чтобы потом всю дорогу слышать «Мужчина у вся спина белая!».

Еще одним атрибутом вокзалов, которые помнил Марат, был человек, спящий в очень неудобной позе. То ли отставший пассажир, то ли просто бомж. Такой есть на любом вокзале. Будь то знаменитый Казанский или захолустный, на безликом полустанке с плохо запоминающимся названием. Без такого человека вокзал – не вокзал. Но это как видно в прошлом. Бомжей и членов Лиге Отставших Пассажиров изгнали с их лежбищ.

– Будьте внимательны, – раздался где-то под потолком, напрочь лишенный половых признаков механический голос. – На первый путь прибывает поезд.. Кр-х-х.. Инск!

Вербицкий встал. Вот и конец всем мучениям. Отговорила роща золотая. Через каких-нибудь три часа он выйдет из поезда и надолго забудет о железной дороге. По возможности навсегда.

Шагая к двери, Марат остановился у фонтанчика с питьевой водой. Он выглядел так симпатично, что пройти мимо было просто невозможно. После того, что произошло на вокзале, Вербицкий чувствовал себя Алисой в Стране Чудес и ничуть не удивился, если бы к трубочке фонтана была привязана бирка с надписью «Выпей меня!». Марат сделал глоток. Ть-фу! Содержание фонтанчика сильно отставало от формы. Такой приторно-сладковатый вкус могла бы иметь вода из реки, в которой плавает полуразложившийся труп. Ха! А откуда тебе знать какой вкус будет у такой воды? Молчал бы уж...

Перед тем как выйти на перрон, Марат оглянулся. Режьте меня на куски, но что-то на этом вокзале не так. Не случайно здесь нет людей. Нормальные граждане предпочитают не совать нос в такие места. А что не так? Вербицкий покачал головой. Он не мог определить, что именно его беспокоило. Деталь. Он видел что-то важное. Но это «что-то» ускользнуло, вильнув хвостом. Ну и хрен с ним. Марат пнул дверь ногой и шагнул под ливень.

Глухина, к своему великому облегчению не увидел. Зато старушка была на месте. Застыла на самом краю перрона в позе Анны Карениной. Эй, старая, отошла бы подальше. Неровен час сверзишься на пути! Когда старуха обернулась, Вербицкий решил было, что выкрикнул свое шутовское предупреждение вслух. Луч прожектора прибывающего состава создал странную иллюзию. Преобразил лицо старушки. Темные глаза, тонкие губы и очень нежная, не тронутая морщинами кожа принадлежали девушке. Она была не просто красивой. Вербицкий попытался отыскать для этой красоты нужный эпитет. Гм... Античная. Да. С такими лицами художники и скульпторы изображали древних богинь.

Старушка отвернулась, а Вербицкий с трудом сдержал позыв нервного хихиканья. Эх, куда его занесло. Вот, что могут сотворить с впечатлительным парнем плохая погода и железная дорога.

Прорезав пелену дождя, состав подкатил к перрону. Не совсем обычный состав. Такие вагоны Марат видел впервые. Вместо канонического темно-зеленого цвета их зачем-то расписали в цвета национального флага. Полоса ядовито-красного цвета пересекала вагон по диагонали. Параллельно ей шла зеленая полоса, а разделяли их квадратики белого орнамента. Очередная акция «За процветающую Беларусь!»? Очень может стать. Шизофрения ведь не знает пределов. Вербицкий покачал головой. Додуматься же такого! Двери вагона с шипением открылись. Марат поднялся в тамбур и окинул вокзал прощальным взглядом. Половинки двери сомкнулись без привычного в таких случаях предупреждения. Объявления следующей станции Марат тоже не дождался. Оставалось только одно – не выстебываться, а идти в вагон и

выполнять все, что предписано категории граждан, именуемой пассажирами. Марат так и сделал. Уселся на ближайшее место и уставился в окно, за которым продолжала неистовствовать непогода. Хрустнув стальными суставами, поезд тронулся с места и начал плавно набирать скорость. В тот момент Марат наивно думал, что путешествует в пространстве. Будь он повнимательнее, то заметил бы странное поведение секундной стрелки наручных часов, подаренных ему за плодотворное сотрудничество с районной службой госавтоинспекции. Стрелка бешено вращалась, заставляя подрагивать пересекавшую циферблат надпись «Лучшему общественному инспектору 2010 года».

Глава 2

Солнце превращало воды Днепра в расплавленное золото. Марат вытаскивал снасть, сосредоточившись на том, что натяжение лески не менялось. Капли воды, повисшие на прозрачном капроне, переливались всеми цветами радуги. В метре от ладони Марата они срывались в реку, создавая маленькие концентрические круги волн. Судя по тяжести, на крючке что-то было. Вербицкий обернулся, чтобы поделиться радостной новостью с Павликом Ладеевым, но хлопок куда-то подевался.

– Есть! – раздался его радостный вопль. – Ух ты, какая большая! Подлещик!!!

Солнце било прямо в глаза. Марату пришлось поднести приложить ладонь ко лбу и лишь тогда он увидел, что делалось на середине реки. Павлик Ладеев, как и следовало ожидать, не проявил должного терпения. Стоя по пояс в воде он внимательно смотрел на дно. Вербицкий понял: Павлик первым увидел рыбину. Убил интригу, придурок. Если знаешь все, включая тип рыбы, то вытаскивание «донки» уже не священнодействие, а обычная рыболовная рутина.

– Чтоб тебя! – прошипел Марат и добавил громко, чтобы быть услышанным. – Хватит там плескаться! Всю рыбу распугаешь!

– Не распугаю! – донеслось в ответ. – Сейчас я ее!

Вербицкий окаменел. Павлик дошел до края. Вытащил из воды донку и победно демонстрировал своего подлещика. Марат в сердцах бросил леску. Течение ее тут же услужливо подхватило. Теперь донка обязательно запутается. Ну и пусть. Вербицкий плюхнулся задницей на горячий песок, поднял подсыхающий стебель водоросли и принялся его яростно жевать. Сок был горьким. Его хотелось сплюнуть, но Марат продолжал работать челюстями. Пусть ему будет хуже. Все равно день безнадежно испорчен.

А как славно все начиналось! Готовиться начали три дня назад. Долго возились, выпиливая в толстом куске пластмассы форму в виде капли. Бывалые рыбаки считали, что именно так должны выглядеть грузила. Покончив с формой, развели в огороде костер. Плавил и заливали в форму свинец, предварительно вставляя туда тонкую медную проволоку. На другой день накупили лески, крючков. Хватило этого добра на пять полноценных, двадцатиметровых донок. Сделаны они были по все правилам рыболовецкого искусства – идеальные петли, тройные узлы. Утро испытаний дожидались с огромным нетерпением. Едва забрезжило солнце, Марат уже стоял у дома Павлика с противогазной сумкой, в которую были бережно уложены донки. Их расставили в лучшем месте – на песчаной косе. Засекли полчаса и...

До берега оставалось меньше десяти метров. Павлик, в облаке водяных брызг, мчался со своей добычей к Марату. Счастливейший из смертных. Пятнадцатилетний мальчишка в синих плавках, украшенных позолоченным якорьком.

По всей видимости, он что-то заметил. Даже попытался швырнуть подлещика на берег, но было поздно. Рыбина сорвалась с крючка, плюхнулась в Днепр. Вот и все. Допрыгался. Просили тебя лезть раньше батьки в пекло?

Марат вскочил. Хотел сказать растерянному Павлику что-нибудь обидное, но не нашел нужных слов. Просто отвернулся и принялся смотреть на заросли конского щавеля, колышущиеся на гребне холма.

– Ну, извини... Я же не знал, что так выйдет. Марат, весь день впереди. Мы еще поймаем много рыбы. Обязательно.

Мокрая рука Ладеева легла Вербицкому на плечо. Ощущение не из приятных уже потому, что рука была холодной. Рука холодная, а вина – безмерная! Упустить такого подлещика!

Брезгливым движением плеч Марат сбросил руку друга.

– Отвали!

Тишина. Вербицкий намеренно не оборачивался. Пусть, падла, прочувствует всю глубину своего падения. Где-то вдали послышался протяжный гудок и дробный стук колес поезда. Этот стук должен был затихнуть, постепенно растаять в плотном, горячем воздухе летнего дня. Вместо этого нарастал. Заглушал плеск волн о песчаный берег. Пение птиц и голоса рыбаков, начавших оккупировать берег. Тревога, которую Вербицкий почувствовал в самом начале, нарастала. Скачкообразно. Становилась паникой. Удары колес о рельсы сделались невыносимо громкими. Больно били по барабанным перепонкам. Марат закрыл уши ладонями.

– Прекратите!!!

Выкрикнув свое требование в пустоту, Вербицкий обернулся к другу. Днепр изменился. Вода перестала напоминать расплавленное золото. Она была темной, почти черной и настолько тяжелой, что гасила любые волны. Но не это было самым страшным. Насколько хватало взгляда, из реки торчали памятники. Самых разных форм и размеров. От выбитых в граните имен, фамилий, дат и стихотворных эпитафий у Марата зарябило в глазах. Ближайший памятник – громадина из черного гранита возвышался у самого берега. Точно на том месте, где совсем недавно стоял Павлик. Теперь он смотрел на друга с гладкой, отполированной до блеска поверхности мрамора. В неподвижных глазах Павлика навсегда застыл немой укор.

Марат попятился. Ноги его запутались в брошенной леске. Стараясь не смотреть на кошмарное водное кладбище, он пытался выбраться из ловушки. Стук колес поезда резко оборвался. В наступившей тишине послышался другой звук. Шуршание песка и пощелкивание. Вербицкий поднял глаза. Подлещик, бегство которого он не мог простить другу, вернулся. Тоже мертвым. Часть чешуи рыбина потеряла. Из этих пролысин торчало белое мясо. Круглые глаза неестественно выпучились, а пасть беспрерывно открывалась и закрывалась. Отсюда и пощелкивание. Отталкиваясь плавниками и хвостом, рыбий монстр полз к Марату. За ним песке оставался след, который тут же наполнялся водой. Там плавали чешуйки, вперемешку с кусочками мертвой плоти. Щелк! Ты попал, пацан. Щелк! Выбирай: мой укус или поезд. Щелк! И помни: первое значительно болезненнее, чем второе. Я укушу, так уж укушу. Не хуже гадюки, поверь мне, мальчик. Щелк! Думаешь, у нас подлещиков нет зубов? Ха. Полюбуйся-ка на это!

Рыба-мертвец разинула пасть. Марат увидел загнутые внутрь, острые, как рыболовные крючки зубы. Белое, бугристое небо. У живых рыб оно красное. Мясо белеет, когда рыба тухнет.

– Так ты сделал свой выбор? – подлещик подобрался к самым ногам Вербицкого и заговорил вслух. – Поезд скоро будет здесь. Я уже слышу, как грохочут колеса этой махины. Стук-перестук. Стук-перестук! Они раздавят тебя очень быстро. В лепешку. Боли почти не почувствуешь. Не веришь мне, спроси у друга. Кому-кому, а Павлухе прелести поезда знакомы не понаслышке. Его ведь, как тебе известно, собирали по кусочкам. Хрясь и пополам!

Откровения подлещика заглушил стук колес. Рыбина все еще открывала рот, упражняясь в своих замогильных издевательствах, но разобрать слов Марат уже не мог...

Он дернулся так, что едва не свалился с сиденья. От кошмара остался только стук колес поезда. Вполне нормального поезда. Вербицкий просто уснул, а страх, засевший в подсознании со времен юности, воспользовался его беспомощностью.

Страхам вообще свойственно умение выжидать, подкрадываться и нападать, когда этого меньше всего ждешь. Марат, как носитель железнодорожной фобии не раз размышлял над природой страха. К определенным выводам так и не пришел, но решил, что ужас – штука коварная. Попавшись к нему в лапы однажды, ты можешь только на время ослабить липкие объятия. Избавиться навсегда – ни за какие коврижки.

Трагедия Павлика – классический пример. Вербицкий вдрызг разругался с ним на берегу из-за злосчастного подлещика. Наотрез отказался возвращаться домой на багажнике мопеда. Павлик поехал один. Эта картина навсегда врезалась Марату в память. Полевая дорога, разде-

ленная пополам узкой полоской травы. Газовый мопед, словно бы застывший на ней. Сизое облачко дыма из выхлопной трубы и голая спина друга.

Полчаса спустя Вербицкий стоял у железнодорожного переезда и, столбенея от ужаса, наблюдал за тем, как люди в оранжевых безрукавках вытаскивают из из-под колес скорого «Ленинград-Кишинев» изуродованные остатки мопеда. Труп, Павлика, с которым Марат так и не успел помириться, по разговорам, намотало на оси...

Вербицкий тряхнул головой, чтобы прогнать навязчивое видение.

Сегодня он сел на поезд. Сел, и как видите, едет. Как знать, может это первый шаг на пути избавления от фобии? Пора взрослеть, паря. Взрослеть и оставлять за спиной старые страхи.

Гроза закончилось. По крайней мере, по окну уже не стекали струйки воды. В такт подергиванию поезда за окном прыгала луна. Мимо проносились поля, темные пятна лесов и фонарные столбы. Сколько он проспал? Вербицкий взглянул на часы и разочарованно хмыкнул. Встали, черт бы их побрал. Гаишники никогда не раскошелятся на что-нибудь стоящее. Жлобы. Что тут скажешь? Сувениры, небось, поручили купить какому-нибудь толстозадому сержанту с парой извилин-вмятин на мозгу от фуражки. Умишка, само собой хватило лишь на китайскую дешевку. Спасибочки. Проще всего будет выбросить подарок в ближайшую урну.

Поезд замедлил ход. Дернулся и застыл у какого-то полустанка. Свет фонаря выхватывал из темноты простейшую по конструкции остановку. Четыре столба подпирали тонкую плиту крыши. Никаких стен. Скамейка, опять-таки собранная из бетонных пазлов. Простота достойная египетских пирамид. Всю эту полустаночную прелесть раскрасили в красный, зеленый и белый цвета. Миленько и очень верноподданно. Акция «За процветающую Беларусь!» шествовала по стране семимильными шагами.

Марат улыбнулся и в это мгновение увидел прямоугольник вывески с названием станции. Три дробь четыре. Охрнительно. Лучшего названия для такой станции и не придумаешь. Деревня Тричетвертово? Поселок Три Четверти. Жителей этой местности называют тричетвертянами. Жаль, ох, как жаль, что ни один из тричетвертян не сел в поезд. Хотелось бы взглянуть на его рожу. И тут Вербицкого осенило. Вокзал! Он никак не мог понять, что его там удивило. Разумеется кроме призраков. На самом деле, вся соль была в расписании. В нем не нашлось места для букв. Остановочные пункты обозначались цифрами. Целыми и дробными. Понятное дело, из-за особенностей своего образа жизни он немного отставал от новых веяний. Но не настолько же! Как случилось так, что замена милых сердцу Кленовок и Липовок на мерзкие цифровые обозначения прошла для него незамеченной?! Да, он из рук вон плохой журналист, но пропустить подобного события не мог. Узнал бы из новостей. Не мог не узнать. Что, мать вашу так, вообще происходит? Прощу прощения, но я ощущаю себя Алисой, путешествующей вниз по кроличьей норе. Чем дальше – тем страньше.

Поезд тронулся. Вербицкий решил поискать ответа у других пассажиров. Пусть поделятся новостями, которые он пропустил. Пусть расскажут о новом бессмысленном указе, который от нечего делать сочинили депутаты.

Марат встал. С выбором собеседника особо не привередничал. Просто сел напротив мужика, наряженного в синий комбинезон.

– Здравствуйте!

Мужик с улыбкой кивнул.

– Добрый вечер...

Прежде чем продолжить разговор, Вербицкий внимательнее рассмотрел пассажира. Ничего экстраординарного в мужике не было. За исключением комбинезона. Тот резал глаз своей новизной. Такие комбинезоны немыслимы без оранжевой каски. Может, именно она лежит в белом пластиковом пакете, который стоит у ног пассажира?

Мужику было лет сорок на вид. Чисто выбрит. Темные с проседью волосы пострижены очень коротко. Карие глаза, в глубине которых таилась какие-то подозрительно озорные

искорки. Возможно, хлебнул на дорожку. В таком наряде противопоказано щеголять трезвым. Куры обхохочутся.

Пухлые губы мужика продолжала кривить улыбка. Словно лицо свело судорогой. Он ждал продолжения беседы, но Вербицкий уже потерял всякую охоту вступать в контакты третьей степени. Пусть тричетвертянин продолжает лыбиться.

Вставая, Марат заметил, что из накладного кармана синего комбинезона торчит сложенная газета. В названии были заметны только буквы «А» и «В». Еженедельник «Гав» для собаководов? Или... Жаль, что «говно» пишется через «о». Газетенка с таким названием весьма органично вписалась бы в облик улыбчивого мужичка.

Через два сиденья расположились женщина и пацан лет девяти. Марат видел их только со спины, но уже знал – они тоже будут ему улыбаться. Недаром же мальчишка напялил на себя уменьшенную копию знаменитого комбинезона, его мамаша, обряженная в синее платье с матросским воротничком, держит в руке ту же газету, что и мужик.

Чуть дальше, лицом к Вербицкому сидели две девицы. Блондинки в одинаковых бело-синих блузках. Само собой с матросскими воротничками. Тоже улыбаются, чтоб им пусто было. Прямо, не поезд, а крейсер «Варяг» перед затоплением. Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает... Не надо себя обманывать, мистер мыслитель. С вокзала призраков ты попал в поезд идиотов. Если не хуже. Разве не видел за окном полустанок странного вида, обозначенный цифрами? А сам вагон?! Признайся, Маратушка, что эти жесткие сиденья, дешевая бесцветная пластмасса на потолке и стенах, сводящий с ума аскетизм во всем оформлении вагона ты видишь впервые. Новый вокзал, новая станция, странные пассажиры в однотипной одежде с одинаковыми газетами и белыми пластиковыми пакетами без рисунка! Ты вляпался... Вот только во что?

Вербицкий опустил на ближайшее сиденье. Положил папку себе на колени. Вытащил из кармана сотовый телефон и наушники со спутанным в немыслимый узел проводом. Музыка. Вот, что поможет ему успокоиться.

Дверь вагона откатилась в сторону. Вошла женщина в форме железнодорожницы. Ничего страшного, что цвет пиджака и юбки синий. Проводницам положено носить такую форму. А что до улыбки... Им на роду написано улыбаться и быть приторно-вежливыми. Марат искренне обрадовался появлению проводницы. Вспомнил, что так и не купил билет. Наблюдая за приближением вагоновожатой, выудил из кармана мятую купюру.

– Девушка, будьте добры. Один до Минска.

С девушкой он явно переборщил. Бабе было под пятьдесят, а собранные в тугой узел волосы и полное отсутствие косметики делали ее еще старше. Брови железнодорожницы поползли вверх. Глаза округлились от удивления. Вцепившись в ручку сиденья, она смотрела то на «десятку» в руке Марата, то на его сотовый телефон.

– Вам чего, гражданин?

– Билетик, гражданка, – Вербицкий нервно хихикнул. – А вы думали интимных услуг? Так это – немного позже.

– Оставайтесь на месте, гражданин. Вам помогут, – выдав эту тираду, проводница поджала свои и без того тонкие губы и повторила для пушей вескости. – Вам помогут.

– Что?!

Не удостоив Марата ответом, железнодорожная богиня поплыла в конец вагона. Ее породистая, обтянутая синей тканью задница качалась, когда поезд дергался на стыках рельс. Вербицкий с трудом подавил желание нагнать гражданку и пнуть ногой. Нельзя. Шутки в сторону. Оставаться на месте. Ему ведь помогут. Ага, так он и остался. Дайте только подтянуть штаны и начистить бляху. В ожидании помощи.

Насвистывая, чтобы придать себе беззаботный вид, Вербицкий направился к выходу. Минувя девиц, заметил, что каждая держит в руках по газете. Пусть себе читают, раз уж помещались на периодической прессе.

Выйдя в тамбур, Марат воткнул наушники в уши и прислонился к стене. Нажимая кнопки телефона, он заметил, как дрожат пальцы.

Мы стояли на плоскости, с переменным углом отражения.

Наблюдая закон, приводящий пейзажи в движения.

Повторяя слова лишённые всякого смысла, но без напряжения...

Спокойный голос Бориса Гребенщикова вселял надежду. Очень робкую надежду на то, что когда он сойдет с поезда, все образуется. Странности объяснятся. Сдвинувшиеся устои мироздания вернутся на прежнее место, а закон, приводящий пейзажи в движение, начнет действовать.

Марат увидел прямо перед собой дверь туалета. Надавил на ручку. Ни по-маленькому, ни тем более, по-большому Вербицкому не хотелось. Просто в этом поезде он чувствовал себя пришельцем, изучающим незнакомый мир. Так почему бы не узнать побольше о месте, где улыбчивые люди в одинаковой одежде отправляют естественные надобности?

Дверь качнулась и открылась. Всего на четверть. Марат увидел фонтанчик с питьевой водой. Точную копию того, из которого пил на вокзале. Рот, согласно закону Павлова и его собак, тут же наполнился сладковатым, приторным вкусом. «Дай мне напиться железнодорожной воды», – сказал поэт. Не эту ли воду он имел в виду?

Вагон качнуло. Дверь открылась полностью и... О Боже! Мочевой пузырь Вербицкого изъявил сильное желание воспользоваться толчком. Вот только место было занято. На унитазах, свесив руки между раздвинутых колен, восседал Жженный.

Его покрытая уродливыми шрамами лысая голова была опущена, но Марату не требовалось видеть лицо, чтобы узнать своего личного Фредди Крюгера. Выцветшая грязная рубашка цвета хаки, штаны с дырами на коленях и черные резиновые сапоги. Нет! Спутать Жженого с кем-нибудь другим было просто невозможно. Откуда здесь человек, которого он безуспешно искал столько лет?

Вербицкий попятился. Не стоило ему открывать дверь сортира. Любопытной Варваре... Перед тем, как проскользнуть в вагон, Марат набрался храбрости и вновь заглянул в туалет. Никого. Толчок был девственно пуст. Возможно, Жженный просто привиделся. Так же, как и Глухин. Но искушать судьбу Вербицкий больше не стал. Пусть вагон наполнен улыбчивыми идиотами, но они, по крайней мере, не призраки, а люди из плоти и крови. Из двух зол, как говорится...

Марат потянул ручку двери и, опасливо поглядывая на туалет, отступил в вагон. Он еще не видел, что делается за спиной, но уже понял – там его ждет новый сюрприз. Не ошибся. Обернувшись, оказался нос к носу с рослым детиной. Первое, что заметил Вербицкий кроме тяжеловесного подбородка, маленьких глазок и пегой кляксы усов под носом, был берет. Парень лихо сдвинул его на затылок, демонстрируя миру поразительно узкий лоб. На берете красовался двухцветный флажок и белая надпись «СНС». Из-за плеча узколобого выглядывал еще один красавец в черном берете. С таким же не обремененным мыслительным процессом лбом, бычьей шеей и блестящими, словно испачканными жиром толстыми губищами.

Вербицкий отступил в тамбур. Эсэнэсовцы последовали за ним. Только теперь Марат понял, насколько огромен пегоусый. Настоящий громила. Когда он вошел в довольно просторный тамбур, там сразу стало тесно. Вербицкому пришлось спуститься на одну ступеньку у двери и прижаться спиной к стеклу, игнорируя надпись «Не прислоняться».

– Капрал Байдак, – прогрохотал усач, козыряя. – Служба Национальной Стабильности. Вашу карту!

Теперь Вербицкий видел представителя СНС во весь рост. На черной, как вороново крыло форме отсутствовали знаки различия. Ни шевронов, ни петлиц. Гимнастерка с парой накладных карманов, узкие штаны, берцы с вентиляционными дырочками. Талию капрала туго перетягивал блестящий черный ремень. На одном боку висела кобура, на другом – резиновая дубинка угрожающего вида и тускло поблескивавшие наручники.

– Вытащи эту хрень из ушей! – рявкнул Байдак. – Карту, тебе сказано!

Карта у Марата была. Собираясь посетить Национальную Библиотеку, он купил красочный проспект с описанием этого белорусского чуда. К проспекту прикладывалась схема проезда и поэтажный чертеж самой библиотеки. Проспект лежал в папке, папка была в руке. Вот только Вербицкий сильно сомневался, что служитель стабильности имел в виду эту карту.

– Одну секундочку...

Нажатием кнопки Марат прервал музыкальные откровения Гребенщикова сунул наушники в карман джинсов и собирался отправить туда же телефон, но Байдак протянул свою лапищу и вырвал «Нокиа».

– Дестабили совсем оборзели, – сказал он, рассматривая телефон. – Смотри, Петя, с какими штуками разгуливают! Правильно Верховный Председатель говорит: душиТЬ эту мразь всеми доступными силами и средствами.

– Ты на футболочку его посмотри! – согласился Петя неожиданно писклявым для своей комплекции голосом. – Ше... Ше Гувара... От бля, дает! Ставь эту падлу раком, пакуем!

– Спиной ко мне, – приказал Байдак. – Руки вместе. И не дергайся, если не хочешь дубинкой по загривку.

Вербицкий наблюдал за волосатой лапищей Байдака. Она тянулась к наручникам. Выполнить приказ и надеется, что там разберутся? Где там? Кто разберется? Марат задавал себе эти вопросы только для проформы. Он уже знал, что не станет подчиняться людям в черном. Они за стабильность. Он – нет. Наоборот, как раз сейчас его состояние было крайне нестабильным. В глазах потемнело. Кровь прилила к вискам и стала молотить в них, как молот. Такое случалось с Маратом не раз. Когда его оскорбляли несправедливо и незаслуженно, Вербицкий впадал в своеобразный транс. Ладони его сжимались в кулаки. В груди холодело. Сила и численность противников переставали иметь значение. Марат, что называется, терял голову и бросался в драку, не задумываясь о последствиях. Пару раз получал по шеям, но... Чувства все равно брали верх над разумом. Так было и сейчас. Вместо того, чтобы повернуться к Байдаку спиной Вербицкий от резко выбросил руку вперед. Он стоял ниже противника. Это делало позицию выигрышной. Кулак Марата впечатался точно в солнечное сплетение громилы. Капрал охнул и завалился на спину, задрал подбородок. Упускать такой шанс было просто преступлением. Новый удар Вербицкий нанес в подбородок. Клацнули челюсти.

– Ай-а-а-яй!

Падая, Байдак сбил с ног с ног Петеньку. Оба скатились по ступенькам в дыру у двери и барахтались, мешая друг другу подняться. Вербицкий сунул папку за ремень джинсов, подхватил выпавший из руки Байдака телефон и наугад пнул ногой в дергающуюся биомассу эсэнэсовцев.

– Лежать, твари!

Дел он наворотил предостаточно. Оставалось только быстро решить, как унести свою многогрешную задницу. Судя по яростным выкрикам капрала Байдака, он не собирался оставлять Марата в живых.

Вербицкий лихорадочно осматривался. Видел удивленные лица пассажиров. Привлеченные шумом, они привстали и смотрели на тамбур бараньими глазами.

Вот оно! Его спасением была ручка стоп-крана. Марат рванулся к ручке, с хрустом сорвал проволоку с пломбой. Рывок. От пронзительного визга тормозов заложило уши. Состав резко остановился. Сейчас должна была открыться дверь. Ну же! Секунда. Еще одна. Чертова дверь

не собиралась его выпускать! Вербицкий оглянулся. Байдаку удалось встать. Барахтаясь в объятиях Пети, он потерял свой берет. На бритой голове поблескивали капельки пота и внушительная царапина – от темени до уха. Одной рукой Байдак опирался о пол, а во вторую вытянул в сторону Марата. Пистолет! Черный зрачок ствола прыгал. Пока Байдак не мог выстрелить прицельно, но амплитуда подпрыгиваний неумолимо уменьшалась.

И тут раздалось шипение. Для Вербицкого оно прозвучало как трубный зов. Двери открывались. Есть все-таки Бог на свете! Марат рванулся вперед. За спиной прогрехотал выстрел. Тамбур наполнился запахом порохового газа. Стекло покрылось паутиной трещин и взорвалось осколками. Один из них вспорол кожу на лбу Вербицкого. Резкая вспышка боли ускорила реакцию. Как только дверь открылась, Марат прыгнул в темноту. Земля ударила по ногам с такой силой, что он не смог удержать равновесия. Покатился по какому-то склону. Движение остановил бетонный столбик, встретившийся с головой Марата. Боли он не почувствовал. Просто перед глазами заплясали разноцветные огоньки. Прогремел второй выстрел. Вслед за ним – ругательства Байдака. Яростный писк Петеньки. Марат встал на корточки. Прополз таким манером метров десять. Выпрямился. Смахнул ладонью заливавшую глаза кровь и бросился бежать. За спиной слышался топот сапог. Преследователи были совсем близко. Байдак и Петя не собирались оставлять нарушителя стабильности в покое.

Глава 3

Завели моду в живых людей палить! Марат бежал по ржаному полю, рассекая ряды колосов, как корабль морские волны. Зачем-то петлял. Потом понял, что погоню таким дурацким способом со следа не сбить. Помчался по прямой и вскоре был вознагражден за это смелое решение – оказался на узкой асфальтовой дорожке, пересекавшей поле. То, что доктор прописал. Вербицкому было жизненно важно отдохнуть и привести обувь в порядок. Он давно не подвергал организм столь изнурительной нагрузке. Сердце готово было выскочить из груди, легкие горели, будто он вдыхал не воздух, а раскаленную лаву. Ноги тоже не годились для бега на длинные дистанции. Голени саднили так, словно по ним прошлись крупнозернистой наждачной бумагой.

Марат плюхнулся на асфальт. Одну за другой снял кроссовки. Так вот почему он решил, что в обувь набилась колючая проволока! Не проволока вовсе, а колосья. Правда, слишком жесткие для ржи. При свете бледнеющей луны Вербицкий рассмотрел колосья. Толстый, неохотно гнущийся стебель. Листья с острыми, как лезвие бритвы кромками. И собственно колос. Приплюснутый, с микроскопическими зернами. Эту рожь явно перекормили какой-то химической дрянью. Она не вызывала естественного желания растереть колосок и попробовать зерна на вкус. Скорее всего, не годилась даже на солому.

Вербицкий отшвырнул колос. Интересно, что сотворил с его ногами свежевыведенный сорт ржи «Белорусская проволочная»? Отвернув край носка, Марат тут же вернул его на место. Всю голень испещряли параллельные царапины. Теперь голова. Вербицкий ощупал лоб. Рану нельзя было назвать серьезной, но лоскут кожи, болтавшийся над правым глазом, приятных ощущений не вызывал. Хорошо хоть, что кровь подсохла. Если все это дело промыть и перебинтовать – до свадьбы заживет.

Марат завязал кроссовки, стараясь не слишком затягивать шнурки. Увлечшись своими проблемами, он совсем позабыл о погоне. Неужели ему удалось смыться от бравого капрала Байдака? Выходило, что так. Теперь не помешает осмотреться и попытаться отыскать место, где живут нормальные люди.

Вербицкий попытался встать, но вместо этого рухнул на асфальтовую дорожку. Приступ головокружения был неожиданным и сокрушительным, как хороший удар в челюсть. Новая попытка подняться привела к тому, что живот скрутило в тугий узел, а затем вывернуло наизнанку. Не меньше десяти минут Марат приходил в себя, ощущая щекой шершавую поверхность асфальта, а носом – запах собственной блевотины. Удар головой о бетонный столбик не прошел бесследно. Головокружение и тошнота... Вот так везение! Когда мозги требовались больше всего, он умудрился получить их сотрясение.

Ничего. Мы еще побарахтаемся. Врешь – не возьмешь. От дедушки ушли, от бабушки ушли, от Байдака ушли и от тебя...

Вербицкий использовал проверенный прием. Сначала встал на четвереньки, потом оттолкнулся руками и... Земля качнулась, но устоять на ногах все-таки удалось. Теперь он – человек прямоходящий. Марат всмотрелся в предрассветные сумерки. Первое, что привлекло его внимание, было пугало. Страшила из Волшебной Страны Оз. Широко расставив руки, оно стояло по колено во ржи и в упор смотрело на Вербицкого. Что за черт? Не может чучело смотреть! Марат потер глаза. То, что он принял за чучело, оказалось женщиной. То, что напоминало соломенную одежду пугала, было волосами. Длинными, нечесаными и очень грязными. Они заменяли женщине одежду. Вербицкий видел просвечивающее сквозь спутанные космы нагое тело. Темные пятна сосков груди, потеки грязи на коже.

Кто она? Что ей надо? Словно услышав вопрос Марата, женщина вскинула руки. Сплела их над головой. Обнажились подмышки. Вербицкий увидел торчащие из них жесткие пучки

волос и почувствовал новый позыв рвоты. Раздалось что-то очень похожее на хихиканье. Жительница Волшебной Страны Оз наклонила голову. Блестящие, отливающие желтизной глаза уставились на человека. Поначалу Марату казалось, что его просто рассматривают. Потом под этим пристальным взглядом ему сделалось не по себе. Потом пришло озарение. Озма. Наверняка ее зовут Озма. Рассказни о том, что Королева Страны Оз симпатичная и добрая девушка – ложь. Писатель Баум, сочинивший миф о Волшебной Стране, где люди не стареют, не болеют и не умирают, скрыл печальную правду. Решил не пугать детишек. На самом деле Озма – злая колдунья. Излюбленная забава Озмы – бегать ночью голой по ржаному полю и хихикать. Поданные Озмы действительно не стареют, не болеют и не умирают. Потому, что они – живые мертвецы. Низкорослые монстры с вечными улыбками на маленьких, морщинистых личиках. Жевуны и Мигуны. А вот девчонка, попавшая в Страну Оз из Канзаса... Как ее... Дороти по Бауму. Элли по Волкову. Девчонка была кем-то вроде Ван Хельсинга. Железный Дровосек, Трусливый Лев и Страшила – команда экзорцистов, имевших четкую задачу. Уничтожить колдунью Озму. Раз и навсегда остановить ее бесчинства. Сжечь на костре. Вогнать в черное сердце осиноый кол.

Марат понимал, что придумывает какой-то бред, но остановиться не мог. В конце концов, Элли победила, но Озме удалось сбежать. И вот она здесь.

Вербицкий почувствовал, что голова превратился в кипящий котел, а мозги вот-вот сварятся вкрутую. Он двинулся к женщине. Та опустила руки и шагнула навстречу.

– Хочешь, я расскажу тебе всю правду об Изумрудном городе? – раздался тихий, напоминающий шелест трущихся друг о друга ржанных колосьев, голос, звучавший лишь в голове Марата. – Не бойся меня. Озма не причинит тебе вреда. Ближе. Еще ближе. Так надо. Свой рассказ я нашепчу тебе на ухо, когда мы будем лежать во ржи.

Вербицкий шел навстречу нагой колдунье с глупой улыбкой на лице. Такой же счастливой и идиотской, как у людей, которых сегодня встречал. Глаза Озмы превратились в два бездонных желтых озера. Марат тонул в них. Озма протянула к нему руки. Длинные ее пальцы плотно шевелились. Вербицкий видел ногти. Поразительно крепкие, почти конической формы, черную каемку грязи под ними, но не испытывал отвращения. Даже наоборот. Возбуждение. Неистовый сексуальный позыв. Главным его желанием было заключить Озму в объятия и рухнуть вместе с ней в рожь. Дальше – будь, что будет.

Вербицкий почти коснулся Озмы, когда раздался громкий щелчок. Женщина дернулась всем телом. Опустила глаза и завывала. Яростно затрясла головой. Спутанные волосы откинулись. Теперь Марат видел не только глаза, но и лицо. Перекошенную судорогой боли и ненависти морду животного, без малейших признаков интеллекта. Растрескавшиеся губы раздвинулись, обнажив гнилые черенки зубов. Из рта вырвалось утробное рычание. Фурия рухнула на колени и принялась яростно рыть землю. Выданные с корнем колосья разлетались в разные стороны. Яма увеличивалась на глазах. Озма повалилась на спину. Вербицкий увидел капкан, повисший на лодыжке правой ноги. Сомкнувшиеся зубья погрузились в плоть, вызвав обильное кровотечение. От капкана шла массивная стальная цепь, крепившаяся к вбитому в землю стержню.

Теперь существо не углубляло яму, а закапывалось в нее, большими пригоршнями сыпало на себя землю. Вскоре на поверхности осталась только голова Озмы. Желтые глаза в последний раз взглянули на Марата. Потом их запорошило землей. Чудище целиком скрылось в яме и продолжало барахтаться под слоем грунта. Цепь натянулась как струна. Стержень покачнулся. Выскочил из земли, подпрыгнул на полметра вверх и исчез вместе с цепью. Нагая троглодитка, как оказалось, обладала невероятной силой. Капкан среди поля был поставлен, конечно же, на нее. Однако против лома нет приема – дичь утащила ловушку в свою подземную нору.

Вербицкий медленно побрел к асфальтовой дорожке. Лоб его горел. Мысли путались, а руки дергались, словно их обуял приступ болезни Альцгеймера. Нет, это не последствия сотрясения мозга. Это – сумасшествие. Крыша поехала, когда он увидел призрак Глухина. Потом болезнь просто прогрессировала. Жженный в туалете. Стычка с милицией и, наконец, женщина-крот среди поля. Ничего этого не было. Шарик, дружок, заезжали за ролики – вот, что было. Признайся, Марат: если найдешь в себе силы вернуться, то ни за что не отыщешь места, где зарылась Озма. Найдешь кучу объяснений этому. Все они будут похожими на правду, ведь сумасшедшие очень изобретательны. Рациональное мышление, сверхразумные доводы – их конек. Брось трепыхаться, парень. Тебе нужна помощь. Простой перевязкой лба тут не отделаешься. Может потребоваться лоботомия.

Вербицкий поднял глаза к небу. Луна по-прежнему оставалась бледной. Ночь подыхала, но рассвет почему-то не рождался. Наверное, ему просто показалось, что прошла уйма времени. На самом деле встреча с Озмой заняла всего несколько минут. Для умалишенных время течет очень медленно.

Марат увидел поблескивавшую на асфальте лужу. Лег на живот и вдоволь напился. Вода была теплой. В ней плавали соринки, но выбирать не приходилось. Имидж ничто – жажда все. Немного полегло. Даже подняться удалось сразу.

Вербицкий, наконец, осмотрелся. Он предполагал, что асфальтовая дорожка обязательно выведет его к цивилизации, но не ожидал, что это будет так скоро. Дорожка заканчивалась через триста метров. Полосатым столбом в рост человека. Табличка с цифрами на нем уже не удивила Марата. В Волшебной Стране Оз буквы не в чести. А может и вне закона. Тут ценят точные науки, используют язык цифр.

Остаток пути Вербицкий проделал, сосредоточившись только на одном – не упасть. Если брякнется, то уже не сможет подняться и умрет среди поля, под болезненно бледной луной. Умрет, так и не позволив психиатрам раскрыть тайну своего сдвига по фазе.

Шаг за шагом. То проклиная себя, то матерясь на окружающий мир, Марат добрался до столба. Без особого интереса взглянул на цифры, обозначающие то ли деревню, то ли номер поля. Ноль восемь. Точка, ноль четыре. Точка. Сорок один. Постичь тайный смысл этих цифр Марату было не под силу. Возможно, они были набором символов Новой Каббалы, а сам столб являлся фетишем, с помощью которого местные жители просили хорошего урожая у мертвых предков. Хи-хи.

Неподалеку от столба торчала водозаборная колонка. На прикрепленной к ней табличке Вербицкий увидел инструкцию. Настоящую. Из букв. Хвала Создателю, алфавит здесь не забыли до конца. Жаль, что кроме слов «поливочный» и «пункт» прочесть ничего не удалось. Проклятые буквы прыгали перед глазами, никак не желая интегрироваться в слова и предложения.

Марат отдохнул, опершись на рукоятку колонки. Руки местных жителей отполировали ее до зеркального блеска. Видать, поле поливалось исправно. На лихо загнутый нос колонки был надет резиновый шланг. Черная змея, которая извиваясь, уходила в поле и исчезала среди колосьев ржи.

За колонкой начиналась улица. Два ряда однотипных домиков с одинаковыми низенькими палисадниками. Чем-чем, а разнообразием деревня не блистала. Все здесь подчинялось железной воле очень консервативного дизайнера. Выстроившиеся как под линейку сарайчики, остриженные почти наголо кусты и деревянные скамейки-близнецы настолько узкие, что сидеть на них наверняка было сплошным мучением.

Вербицкий напрочь забыл о том, что собирался постучаться в ближайший дом и попросить помощи. Ему вдруг стало безумно интересно, куда выведет эта чудо-улица. Может на площадь, где его встретят Мигуны и Жевуны? Очень похожие на хоббитов человечки в островерхих шляпах с колокольчиками. Только такие существа могут жить в деревне, где во главу

углу поставлена одинаковость во всем и вся. Где даже фанерные фигурки животных и птиц, стоящие у обочин выглядят так, словно пришли поучаствовать в параде по случаю большого праздника.

Вербицкому стало жалко фанерных существ. Он подошел к грустному аисту и ласково потрогал его опущенный к земле клюв.

– Что скажешь, птица?

Аист ничего не ответил. Наверное, сильно задумался над своей несчастной долей. Марат пошел дальше. Предчувствие насчет площади его обмануло. Улица упиралась в квадратную, обсаженную чахлыми деревцами площадку, в центре которой возвышался памятник Ильичу, окруженный цветочными клумбами. С левой стороны тут имелся вход на стадион. Ворота из двух деревянных столбов и полукруглой вывески. Надпись, сделанная белой краской, была лаконичной как все гениальное «Спорт – здоровье нации!». Прямо за невысоким штакетником Вербицкий рассмотрел длинные скамейки для зрителей. Дальше простиралось поле, где среди травы белели проплешины, оставленные ногами резвых футболистов.

М-да. Играли здесь часто. Веселые комбайнеры, лихие трактористы и прочая колхозная живность до полного изнеможения боролась за здоровье нации. Сразу после работы, наскоро перекусив простой, но высококалорийной пищей, ребята и девчата, вытирали замасленные шеи керосином и спешили на стадион. Проломы в штакетнике говорили об энтузиазме, с которым эта братия рвалась заняться спортом.

Закончив фантазировать насчет вседеревенской любви к спортивным оргиям, Вербицкий приступил к осмотру весьма примечательного здания. Бетонный параллелепипед с узкими, похожими на бойницы окнами, был несомненно центральным зданием площади. Под его плоской крышей был закреплен национальный флаг. Возможно, на ветру он развевался довольно лихо, но теперь висел также грустно, как нос аиста. К зданию вело крыльцо, состоявшее из трех широких ступеней.

Марат не преминул подняться по ним. Его интересовала вывеска и два плаката, установленных по обеим сторонам крыльца. На одном изображался кто-то с косой на плече. Поначалу, грешным делом Марат решил, что это – Смерть. Костлявая старуха, которая придет за каждым, кто не желает заниматься спортом. При ближайшем рассмотрении Смерть оказалась колхозником, наряженным в серый комбинезон и бумажную шапку. Особенно удалось художнику лицо косца. Целеустремленный взгляд, плотно сжатые губы, кучерявый чуб, по-казацки выбивавшийся из-под кепки. Этаким белорусский ариец. Сверхчеловек. Характер, приближающийся к нордическому. В порочащих его связях с коровами замечен не был.

Второй плакат назывался «Экран достижений агрогородка» и представлял собой график с тремя разноцветными линиями. Судя по графику, привесы, надои и урожайность росли здесь не по дням, а по часам.

На ум Вербицкому пришел только один подобающий случаю вопрос: а как вас тут с кривой проституции? Ах, неуклонно ползет вниз... Это радует, товарищи.

После того, как Марат прочел вывеску, выяснилось, что увиденные чудеса находятся в ведении окружного сельского исполнительного комитет номер двести одиннадцать. Мелким шрифтом были написаны часы приема населения председателем комитета. Вербицкий вздохнул. Прием начинался слишком поздно. Если головная боль не перестанет усиливаться, он вырубится раньше, чем успеет пожаловаться председателю.

Перед тем как спуститься с крыльца, Вербицкий полюбовался на собственное отражение в темном стекле двери. Видок у него был еще тот. Даже команданте Че на футболке выглядел, как бож с похмелья. Чтобы хоть как-то привести себя в порядок Вербицкий начал заправлять футболку в брюки. Пальцы коснулись кармана. Телефон! Что может быть проще? Он позвонит редактору домой, выслушает проклятия за то, что побеспокоил босса ночью и ... За ним пришлют машину. Мытарства закончатся. Дальше, возможно, будет больница. Ну и хрен с ней!

Пусть даже психиатрическая лечебница закрытого типа. Лишь поскорее убраться из Волшебной Страны Оз номер двести одиннадцать.

Марат вытащил телефон. Нажал кнопку. Дисплей засветился. Высокие технологии не подведут! Можете построить хоть тысячу стадионов для дебилизации населения, но прогресс вам, умники, не остановить.

Вербицкий сделал паузу, чтобы унять дрожь в руках. Теперь можно. Первая цифра восьмерка. Вторая... От бля! Лучше, чем Петя не скажешь. Трижды – от бля! Значок в левом верхнем углу дисплея ехидно подмигивал. Нет сети. От бля... Откуда в стране Оз взяться сети? Мигуны и Жевуны не пользуются телефонами. Заткнись! Перестань прикидываться идиотом. Твой телефон упал в тамбуре поезда. Грохнулся о пол. Вот почему нет сети. Проси помощи у людей, придурок. Проси пока не поздно, а не выдумывай разную херню.

Вербицкий сунул телефон в карман. Пусть отдохнет. Авось разродится сетью. А пока – в ближайший дом. Нехай вызывают неотложку.

Спускаясь по ступенькам, Марат поднял голову и... Слово «обомлел» не могло полностью передать его состояние. Парализовало. Вот более точное определение. Вербицкий оказался лицом к лицу с памятником. До этого он видел его лишь мельком. Поднятая в характерном жесте рука ввела Марата в заблуждение. Над деревенской площадью возвышался вовсе не Ленин. Рука если и указывала дорогу в светлое будущее, то совсем не по-ленински. Если бы бронзовый мужик поднял ее чуть выше, то в точности повторил бы нацистское приветствие. Вторая рука была заткнута за полу пиджака между второй и третьей пуговицей.

Выбитая на гранитном пьедестале надпись гласила, что памятник установлен в честь введения должности Верховного Председателя в две тысячи пятнадцатом году. Что еще за...

Вербицкий уже знал, где искать ответ. На ватных ногах он прошлепал к стенду-графику. Там, на изломах линий сельскохозяйственных достижений красовались круги. Внутри каждого была вписана дата. Последняя состояла из четырех цифр. Две тысячи сорок один.

Марат сел на крыльцо, закрыл лицо ладонями. Хотел зарыдать, но вместо этого расхохотался. Дико, безудержно, до боли в челюстях. У них было время на установку памятников своему Верховному Председателю. Целых тридцать лет. От бля!

Глава 4

Деревня Жевунов имела свои плюсы. Например, не стоило напрягаться с выбором дома. Марат поднялся на крыльцо ближайшего. Чтобы не слишком испугать хозяев ночным визитом постучался тихо и аккуратно – согнутым пальцем. Свет, как ожидалось, в окнах не вспыхнул. Зато внутри раздались шаги. Щелкнул замок. Дверь приоткрылась. Еще чуть-чуть и Вербицкий завопил бы от испуга. К счастью он успел понять, что на пороге стоит не монстр, а просто женщина. Все дело было в игре света. Подрагивание язычка пламени керосиновой лампы, которую хозяйка держала в руке, бросало на ее лицо оранжевые отблески и делало похожей на инопланетянку.

– Вам чего, гражданин?

Марат пришел в себя окончательно, когда жена улыбнулась. Ничего, что все той же фирменной идиотской улыбкой. Главное, что в деревне есть живые люди.

– Простите, что разбудил, – промямлил Вербицкий. – Мне нужна помощь.

– Что случилось? – женщина поднесла лампу к лицу Марата. – Ох, да у вас весь лоб в крови!

– Попал в аварию, – соврал Вербицкий. – В автомобильную аварию.

– А, так вы из руководства! – улыбка стала еще шире. – Так бы сразу и сказали. Проходите!

Марат вытер ноги о тряпочный половичок и двинулся вслед за хозяйкой по узкому коридорчику, в котором с трудом могли бы разминуться два человека. Женщина провела гостя в комнату. Тоже маленькую, но явно претендующую на звание зала. Простецкий, накрытый клетчатым пледом диван, журнальный столик, три табурета и телевизор на тумбочке составляли всю меблировку комнаты.

– Присаживайтесь, – женщина указала на диван. – Отдыхайте, а я пока нагрею воды и отыщу ткани для перевязки.

Марат сел и кивнул.

– Отлично. Почему бы вам не включить свет?

Хозяйка шутливо погрозила Вербицкому пальцем.

– Вы, жители мегаполисов, наверняка думаете, что в агрогородках как всегда полный бардак. Ни-ни. Живем согласно велениям времени. Электричество подадут ровно в шесть. На полчаса. Чтобы все могли посмотреть программу «Время». Думаете, деревня не соблюдает режим жесткой экономии?

Марат шлепнул себя ладонью по лбу. С видом «Эх и как же я забыл о режиме экономии!». Тут же скривился от боли.

– Да-да. Сильно меня все-таки по голове шибануло.

Браво, Вербицкий! Если ты и на самом деле попал в две тысячи сорок первый год, то ведешь себя правильно. Выясняй потихонечку что здесь, да как. А в случае проколов – моя хата с краю. Болит голова. Путаются мысли и вообще – отстаньте от меня все. Придерживаться только этой позиции. Ни в коем разе не блистать умом.

– Я на кухню, – женщина сочувственно кивнула. – Если и правда слишком темно, то...

Она подошла к окну и раздвинула занавески. В комнату ворвался рассвет. Только сейчас Марат заметил, что на хозяйке лишь ночная сорочка. На фоне окна она сделалась совсем прозрачной, дав Вербицкому оценить фигуру гостеприимной жительницы агрогородка.

Типично крестьянское телосложение. Довольно пышный бюст, но слишком короткие ноги и широкие плечи. Форма рук изяществом не отличается. Ни намек на женственные изгибы. Хорошо развитая мускулатура и мощный затылок. С таким физическими данными вряд ли обольстишь мужчину, зато добьешься поразительных успехов в метании молота.

Женщина обернулась и Марат убедился, что его догадка довольно близка к истине. О красоте тут рассуждать не приходилось. На вид ей было не больше тридцати, но... Лицо метательницы молота было почти квадратным. В него удачно вписывались глаза-пуговицы, широкий нос и поразительно маленький рот бантиком. Общее и без того нелестное впечатление довершала стрижка. Почти полубокс. Что пялишься, дура?

Женщина рассматривала его так пристально, что Вербицкому сделалось не по себе. А чего же ты хочешь, парень? Ввалился среди ночи. Без синего или серого комбинезона. В грязной футболке с изображением какого-то бородача и ждешь, что жители образцово-показательного агрогородка станут качать тебя на руках?

– Просите, а как вас зовут? – спросил Марат, чтобы прервать тягостную паузу.

– Евдокия. Дуся.

Сообщив свое имя, хозяйка вышла из зала. Послышался звук льющейся воды и звон посуды. Дуся ушла на кухню. Марат опасался неудобных вопросов и потому очень обрадовался возможности побыть в одиночестве. Удобный момент, чтобы детальнее рассмотреть убранство комнаты. Теперь, когда стало светлее, выяснилось, что зал почти непригоден для комфортного проживания. Все здесь дышало суровым аскетизмом. Начиная от одинокой лампочки без абажура на потолке и обшарпанного шифоньера до некрашенных досок пола и унылых серых обоев на стенах, которые наводили на мысль о том, что самоубийство – самый лучший выход из положения. Ни цветочных горшков на подоконнике, ни книжной полки. Полное отсутствие любви к домашнему очагу. Если что-то здесь и лелеяли так только портрет Верховного Председателя, висевший на почетном месте, в красном углу. Его заботливо украсили накидочкой цветочно-небесного цвета с довольно игривыми кружевами.

Следующим объектом осмотра стал телевизор. Не плазменная панель, а именно телевизор. Старый добрый «Горизонт» с выпученным экраном и тремя регуляторами на боковой панели. Для полного сходства с древним приемником не хватало только тумблера переключения каналов. В далеком детстве, во времена железного занавеса Вербицкий привык переключать каналы плоскогубцами. Этот универсальный инструмент заменял железобетонным отечественным телевизорам пульт.

Марат поискал глазами плоскогубцы. Их не наблюдалось. Как впрочем, и пульта. И все-таки Вербицкий не потратил время впустую. Он увидел на журнальном столике телефон. Точнее не сам телефон, а его витой шнур, который высовывался из-под аккуратно сложенного платья с матросским воротничком.

Вот оно как. Дуся-метательница не отстает от моды. Носит наряды из линейки «Весна-Лето-2041». Молодчина. Огонь-баба.

Чувствуя себя Джеймсом Бондом, заброшенным на территорию Семичастного и Розы Клебб, Марат аккуратно отодвинул платье в сторону. От бля. Телефон обманул все ожидания. На его пластиковом корпусе не было диска номеронабирателя. Вот тебе, бабушка, и сорок первый год! Телевизоры без переключателя каналов, телефоны – без дисков.

И все же Вербицкий взял трубку. На этот шаг его подвиг вид шнура, тянувшегося от аппарата к розетке на стене. Не станут же подключать бутафорский телефон. Марат прижал трубку к уху. Раздалось три коротких сигнала и щелчок.

– Телефон доверия Службы Национальной Стабильности, – сообщил мужской голос. – Вас слушает шеренговый Ячонис. Если вы располагаете фактами злостного нарушения...

Марат опустил трубку. Иди в жопу, шеренговый Ячонис. Я не располагаю фактами злостного нарушения и не собираюсь становиться стукачом. Хотя... Если хочешь фактов – они имеются. Я пару раз весьма удачно приложился кулаком к животу и нижней челюсти капрала Байдака. Если он рядом – передавай привет.

Вербицкий услышал шаги Дуси и едва успел накрыть телефон платьем. Женщина поставила на стол пластмассовый тазик с теплой водой. Положила свернутую в трубочку белую ткань.

– Сейчас мы приведем вас в порядок.

Вербицкий наклонил голову, выражая свою готовность быть приведенным в порядок. Дуся коснулась мокрым тампоном раны на лбу. Сначала довольно нежно. А потом прижала тряпку так сильно, что Марату пришлось стиснуть зубы. Аккуратнее, Евдокия, мать твою. Моя голова – не молот, который ты меташь и не серп, которым пожинаешь проволочную рожь.

Дуся не смогла прочесть мыслей пациента. Пытка продолжилась.

– А вы, наверное, живете в Нулевом Мегополисе?

– Ага. В нулевом.

Если бы еще знать, что такое Нулевой Мегополис. О нулевом километре он как-то читал. Да-да. В Москве нулевой километр вовсе не на Красной площади, а чуть дальше – у главпочтамта. Включи мозги, Марат. Если придерживаться этой логики, то нулевой мегополис Белоруссии – Минск. От него отсчитываются километры.

– Да. Я живу в Минске.

– Хм... В Минске. Красиво звучит, – мечтательно проворковала Дуся. – Мама мне рассказывала. Раньше столицу называли так. Скажите, а вы видели Великий Октаэдр?

– Само собой.

– Повезло. А я вот – только по телику. Наверное, живую он во сто крат красивее.

– Конечно.

Новая загадка. Великий Октаэдр. Что жители две тысячи сорок первого года могут называть Великим Октаэдром? Суперсовременное здание из стекла и бетона? Возможно, недавно построенное в Нулевом Мегополисе. Хватит вопросов, Дусенька. Давай-ка лучше отвечай на мои.

– А вы замужем, Евдокия?

– Была. Год назад, во время облавы моего мужа убили дестабилю...

– Мои соболезнования. А дети?

– Дети есть, – Дуся покончила с перевязкой и задумчиво подперла подбородок ладонью. – Все как у людей. Два мальчика и девочка. Очень похожи на отца. Жаль, что вижу их редко. В трудовой лагерь ведь не наездишься. Дел по горло. То посевная, то уборочная. По выходным, само собой, субботники. А как же иначе? Вокруг столько врагов. Во всех соседних странах – разруха и голод. Мужчины охраняют порядок. Женщины трудятся. Тяжело, но.. Я верю Верховному Председателю. К пятидесятому году дела в агропромышленном комплексе страны наладятся. Трудности останутся позади. Если не наши дети, то уж точно внуки будут жить в процветающей стране.

Что-то похожее Марат уже слышал. Тридцать лет назад эту байду тоже несли. Вышколенные дикторы. Чиновники, пересевшие на правительственные «мерседесы» прямо из-за баранок тракторов «Белорус». С голубых экранов, из динамиков радио. Трепались о временных трудностях и перегибах на местах. Обещали – нас не наклонят. Вот те на: не наклонили! Тридцать лет эти ушлые ребята продержались на пустых обещаниях, а теперь сказки о светлом будущем рассказывают их дети...

От трудностей и перегибов избавиться так и не удалось. В полях по-прежнему ни хрена не росло. Коров Марат не видел, но был уверен, что молока они давали с гулькин нос. Да и свиньи-предатели, стопудово, не желали жрать солому. Тьфу ты!

Пора менять тему. Не позволять Дусе с головой окунаться в трясины большой политики. Вербицкий вспомнил женщину-крота.

– Дуся, а вот ночью в поле я видел... То ли женщину...

– Лявву, наверное, – беззаботно ответила Евдокия. – В городе эту мерзость не встретишь. Ничего, скоро и мы от них избавимся. Эти твари перебрались к нам из-за Великой Стены. А может их забросили. Чтобы дестабилизировать ситуацию в агропромышленном комплексе. Ляввы уничтожают посеvy. Набрасываются на людей. Раньше жизни не было от колорадского жука, теперь – от лявв. Вам повезло, что...

– Ври больше, Дуська! Забросили. Сами вы лявв и вырастили! Сначала Чернобыль бабахнул. Потом – вторая АЭС и... Война. Думали радиация – хаханьки? Расплодили мутантов, а теперь все на врагов валите. Сами вы себе враги!

Надтреснутый, скрипучий, как несмазанное колесо телеги голос доносился из-за двери, которую Вербицкий раньше не заметил. Дуся смотрела на дверь, забыв о том, что не закрыла рот. Наконец, она пришла в себя и растерянно улыбнулась.

– Это мама. Ей – девяносто два. Выжила из ума. Не обращайтесь внимания. Ой, вас же покормить надо!

– Кто это выжил из ума? – не желала сдаваться мама. – Я те покажу! Из ума! Как смеешь такие гадости про мать говорить?! Прокляну, Дуська. Видит Бог – договоришься. Прокляну!

Евдокия развела руками, наклонилась к уху Вербицкого и прошептала:

– Не слушайте ее. Сейчас приготовлю завтрак.

Марат кивнул.

– Не буду...

Только сейчас он со всей отчетливостью осознал, что находится в другом мире. А старушка в соседней комнате – человек из прошлого, сестра по разуму. Вот бы поболтать с ней! Жаль, Дуська не позволит.

Поглядывая на дверь, из-за которой вещала бабка, Вербицкий размышлял о Великой Стене, судьбе второй АЭС, войне и загадочных людях, которых называли дестабилителями. Первый раз он услышал это слово от Байдака. Теперь его не произнесла, а скорее выплюнула Евдокия. Кто же такие дестабилитеры? Неужели оппозиция нового образца?

От раздумий Марата оторвал негромкий шелчок. Даже заставил дернуться. Увидев, что засветился экран телевизора, Вербицкий вздохнул с облегчением и приготовился слушать новости две тысячи сорок первого года. Из динамиков полилась приятная музыка. Появилась заставка и... Загадка Великого Октаэдра была разрешена! И как он не догадался раньше?! Национальную Библиотеку в его время называли бриллиантом. Если же использовать терминологию геометрии, то это здание было октаэдром! Ты – гений, Вербицкий. Даже с мозгами набекрень, способен рассуждать о геометрии. Таки орлы нужны даже в сорок первом. Особенно в сорок первом.

Заставку сменила породистая морда улыбающегося диктора в черном костюме и ослепительно-белой сорочке. Все чин-чинарем. Вот только с галстуком мужика его имиджмейкеры сильно прокололись. Чудовищная раскраска в красно-зеленую полосу больше подходила для тусовки пассивных гомиков, чем для дикторов национального телевидения.

Диктор начал нести привычную Марату лабуду о подготовке к уборочной. Стоило ли из-за этого перемещаться на тридцать лет в будущее? Вербицкий слушал старую песню вполуха. Великий Октаэдр – вот, что его беспокоило. Библиотеку показывали всего несколько секунд, но Марат заметил, что чувствует она себя не лучшим образом. Со зданием было что-то не так. Исчезла прежняя лихость что ли... Бриллиант как-то скособочился. Стал ниже. Может грунтовые воды, о которых говорили тридцать лет назад, все-таки сделали свое черное дело?

Первый сюжет новостей заставил забыть об Октаэдре. Вербицкий даже разинул рот от изумления. Огромная, почти с двухэтажный дом, устрашающего вида гусеничная машина въехала на опушку леса. На скошенном, как у бронетранспортера боку красовались полуметровые черные буквы «МУЛ-2». Загромыхали шестерни. Из передней части механического монстра

выдвинулись две дисковых пилы диаметром не меньше трех метров. Камера показала улыбчивого водителя, который уверенно дергал за рычаги и жал на разноцветные кнопки.

Дальше – бешено вращающаяся пила крупным планом. Она врезалась в ствол толстой сосны и перерубила ее как стебелек цветка. Рухнувшей сосной тут же занялись две механические лапы. Подбрасывая дерево, как спичку они отправили сосну в разверстную пасть чудомашины. По корпусу прокатилась волна вибрации. Брызнул фонтан щепок – свидетельство того, что в ненасытной утробе «мула» несчастному дереву достается по первое число.

То, что осталось от сосны выехало из квадратной задницы гусеничного чудища на ленточном конвейере – прессованные параллелепипеды опилок размером с том большой советской энциклопедии. «Мул» продолжал вгрызаться в лес, оставляя за собой пни и изуродованную гусеницами землю, а на переднем плане появился полупокер с микрофоном.

– Вчера на полигоне национального автомобильного завода успешно прошли испытания механического уничтожителя леса нового поколения, – затараторил корреспондент. – «МУЛ-2» значительно превосходит предыдущую версию данной машины по мощности и производительности. То, что мы видим сейчас – национальная программа уничтожения лесных массивов в действии. Программа рассчитана на десять лет. Согласно указу Верховного Председателя к две тысячи пятидесятому году в стране останутся только небольшие лесные заповедники. Изобретения белорусских ученых помогут превратить пораженные радиацией лесные чащи, ныне являющиеся рассадником дестабилизации, в полезные народному хозяйству ресурсы – бумагу и дрова. Свой комментарий по этому поводу согласился дать нам министр лесного хозяйства Сергей Викторович Дромько.

Камера сфокусировалась на кучке чиновников. Выглядели они так, словно были результатами эксперимента по клонированию. Приземистые, пухлые и толстозадые старички-боровички в одинаковых серых костюмах, с блестящими от пота, абсолютно лысыми головами.

Министр лесного хозяйства не вписывался в эту компанию. То ли аппарат, создавший клонов, дал сбой, то ли Дромьку недокормили, но он был высоким, поджарым мужчиной с полуинтеллигентным лицом и едва наметившимися залысынами.

Министр отделился от стаи чиновников и тут же завладел инициативой. Буквально вырвал микрофон из рук корреспондента.

– Еще находятся умники, которые критикуют нас. Якобы леса, которые мы собираются уничтожить в прямом смысле под корень и болота, подготовленные к осушению, являются национальным достоянием. Я отвечу этим горе-демократам, поющим под дудку Запада, словами Верховного Председателя: главным национальным достоянием Беларуси является стабильность, которой мы, несмотря на все трудности, достигли и которую не позволим нарушить ни внешним, ни внутренним врагам.

Дромька кашлянул, облизнул губы.

– От себя добавлю: как специалист, знающий проблемы леса не понаслышке, заверяю, что ликвидация лесов и болот позволит нам не только оздоровить экологию, но и в значительной мере решить проблему дефицита энергоресурсов. Кроме того – расширить посевные площади. Наши предки, а им не откажешь в сообразительности, топили свои печи дровами и торфом. С политической же точки зрения...

Высказаться до конца Дромьке не дали. На экране вновь появился диктор.

– Напомню, что в своем последнем выступлении перед нацией Верховный Председатель акцентировал внимание чиновников всех рангов и руководителей силовых структур на необходимости физического устранения подонков, именующих себя новыми партизанами.

Диктора сменил Верховный Председатель. Вербицкий видел его впервые, но испытывал странное ощущение. Словно знал этого человека давно. Мудрая лукавинка в глазах и стальные нотки в голосе, ни одного лишнего жеста. Даже больше – почти полная неподвижность. Если исходить из надписи на памятнике, пост Верховного был введен в две тысячи пятнадцатом.

Так-так. Шесть под чертой, три на ум пошло. Он управляет страной уже тридцать шесть лет. Тогда откуда же эти темные, без малейшего признака седины волосы, здоровый цвет лица и гладкая, без единой морщинки кожа? Верховный выглядел самое большее на сорок. Он, что: пришел к власти в пятнадцать лет? Или пластическая хирургия начала творить настоящие чудеса?

– Дестабили будут стерты с лица земли. Это – не мой выбор. Это – решение великого и свободолюбивого белорусского народа, который давно приговорил всю лесную мразь к смерти. Воздух нашей республики будет очищен от смрадного дыхания гадов, делающих свой кровавый бизнес на временных трудностях синеокой Беларуси, связанных с тем, что происходит в мире. Наш террор будет беспощаднее их террора, а народный гнев настигнет дестабилов в любой, самой глубокой норе! Победив их, мы сможем эффективно делать то, чего ждет от нас все многострадальное человечество – помогать другим странам устанавливать у себя самую правильную, испытанную временем, белорусскую модель развития общества!

Следующий блок новостей зарубежным. Это легко угадывалось по заставке – кружащийся шарик с контурами материков. Марат ожидал увидеть подборку о пожарах, наводнениях и манифестациях протеста в других странах, имеющую целью убедить белорусов в том, что где-то за океаном тоже хреново. Однако зрелище, оказалось не таким знакомым, как ожидал Вербицкий. Сначала на экране появилось искаженное ужасом лицо мужчины. Затем – панорама какого-то города. Разбитые витрин магазинов, поваленные фонарные столбы, перевернутые автомобили, пылающие груды мусора и... Трупы. Марат не заметил их сразу потому, что распростертые у стен домов тела были просто частью пейзажа. Как ивы, склонившиеся над озером, как облака, плывущие по небу.

Мужчина перепрыгивал через трупы, оглядывался и мчался дальше, отчаянно размахивая руками. Он убегал от стаи собак. Громадные черные псы неслись по центру улицы, с легкостью перемахивая через препятствия. Казалось, что уже ничто не спасет беглеца. Однако на его пути появился штабель мешков, перегораживающих улицу. Из отверстий между ними торчали пулеметные стволы. Мужчина начал перелезать через штабели. Солдат в камуфляжной форме без погон и других отличительных знаков втащил парня наверх, а на собачью стаю обрушился шквальный огонь десятка пулеметов. Во все стороны полетели окровавленные куски мяса. Оставшиеся в живых псы поспешили скрыться в подворотнях.

– Продолжаются нападения стай бродячих собак на жителей Москвы, – наконец раздался голос диктора. – Центр российской столицы превратился в поле боя. Временное правительство пока не в состоянии справиться с этой напастью. У очевидцев создается впечатление, что атаки псов-людоедов хорошо организованы. Население города в панике. Вокзалы переполнены беженцами, но уцелевшие железнодорожные коммуникации не в состоянии справиться с огромным пассажиропотоком.

От бля! Эта новость была куда как похлеще известия о создании очередной модификации механического уничтожителя леса. Что, черт возьми, случилось с Москвой? Откуда взялись стаи псов и временное правительство?

Следующий репортаж окончательно поверг Марата в шок. Показали Варшаву. Точнее то, что от нее осталось. В Москве дела обстояли куда как лучше. Там хотя бы сохранились улицы и дома. Здесь вместо домов были дымящиеся руины, а вместо улиц – наспех расчищенные грейдерами проходы. Солдаты, вооруженные огнеметами, старательно поливали огнем все, что встречалось им на пути.

Диктор вещал о полчищах крыс, заполонивших город, а Вербицкий с замиранием сердца ждал новостей из очередного уголка планеты, явно переживавшей не лучшие дни.

– Белорусские пограничники вновь вынуждены применить оружие, чтобы прекратить бесчинства бандитских шаек в лагерях беженцев...

Камера была расположена где-то на возвышенности. Открывался отличный обзор на скопление брезентовых палаток и толпы грязных людей, одетых в лохмотья. Все кричали, непонятно что и неизвестно кому доказывая. Между палатами мелькали фигуры людей в черном. Эсэнэсовцы с автоматами наперевес прекращали бесчинства.

... несмотря на пакт о полном закрытии белорусских границ, не прекращаются попытки отдельных, экстремистки настроенных групп прорваться на территорию страны...

Вербицкий закрыл глаза, прижал ладони к ушам. В голове все смешалось. Псы-людоеды. Крысы. Солдаты с огнеметами. Толпы оборванцев на границе. Верховный Председатель, выглядевший так, словно выхлебал бочку эликсира молодости.

Наконец голос диктора стих. Марат открыл глаза. Экран погас. Кина не будет. Плевать на то, что весь мир ухнул в пропасть. Порция новостей и – айда в поле.

– А вот и я! – Дуся вошла в комнату, держа в руках пластиковый поднос. – Как говорится: чем богаты, тем... Ой, я пропустила новости! О чем сообщали?

– Все о том же, – буркнул Вербицкий довольно грубо. – В Москве собаки, в Польше – крысы. У нас грозятся леса спилить и дестабилов порвать на ленточки.

– И правильно! – Евдокия не заметила грубости и мечтательно улыбнулась. – Давно пора. Они ослепли, что ли? На всем белом свете ужас творится. Только у нас все спокойно. А эти, знай себе вопят: плохо, да плохо! Правильно Верховный Председатель говорит: под корень!

Последние слова Дуся произнесла с придыханием и надрывом. Видно сама была не прочь поучаствовать в расправе над дестабилитами.

Она выставила на журнальный стол две одноразовые тарелки и прозрачный пластиковый стаканчик. На одной тарелке лежали пять невзрачного вида картофелин в мундирах, на другой – кривой, бородавчатый огурец. В стакане, судя по цвету, было молоко.

– Кушайте... Забыла, как вас по имени-отчеству.

– А я и не представлялся, – заметил Вербицкий, пытаясь содрать с картофелины толстую, как у апельсина кожуру. – Можно без отчества. Марат.

– Приятного аппетита, Марат. Все свое. Все свеженькое, – затараторила молотометательница. – Без пестицидов. Прямохонько с грядки. Вот только молоко за ночь прокисло. Но это – ничего. Я тут в конкурсе «Властелин села» участвовала. Специально организовали для малообеспеченных слоев населения. Обещали победителя холодильником наградить. Как думаете: повезет?

– Обязательно, Дуся.

Марат надкусил картофелину и тут же захотел ее выплюнуть – вкус у картошки будущего был таким же, как у парафиновой свечки. На кой тебе, глупая, холодильник? Электричество-то дают только на время новостей. Одна надежда – теплоэлектростанции на дровах. Далеко же вы на них уедете дедовским способом, малообеспеченные мозгами слоя населения. Хотя... Как посмотреть. В свете мировых новостей, ленинский лозунг «Лучше меньше, да лучше» был весьма актуальным. Ага, ты еще вспомни пословицу «Не до жиру, быть бы живым». Где гарантия, что все увиденное в теленовостях не подделка?

Вербицкий напряг все отпущенное ему Богом терпение, чтобы прожевать картофелину, которую так неосмотрительно сунул в рот. Ему очень хотелось домой. В Беларусь, которая еще не достигла высшей стадии стабильности.

Глава 5

– Соли бы сюда...

– Соли?

– Именно соли, – Марат улыбнулся, что стоило ему большого труда – кусок картофелины застрял где-то на полпути к желудку. – Картошку в мундирах обычно едят с солью. Что тут удивительного?

– Вам нужна соль?!

Вербицкий хотел ответить что-нибудь резкое, но запнулся, увидев выражение лица Дуси. Она смотрела на привередливого гостя так, словно он попросил не щепотку соли, а ящик тротила.

– Знаете, Марат, – женщина распахнула дверцу шифоньера и сняла с вешалки некогда синий, а теперь безнадежно выцветший халат. – Не в курсе, как там у вас в городе, а у нас все по правилам. По закону. Любому ребенку известно, что соль – это яд. Вы наплевательски относитесь к своему здоровью и...

– Договаривай, Евдокия.

– И совсем не похожи на руководителя. Я поищу для вас соль. Возможно, у соседки немного будет. У нее муж складом удобрений заведует. Но не обещаю.

– Премного благодарен за ваши старания.

Ты теряешь доверие, Вербицкий. Твой статус упал ниже плинтуса. А чем чревата утрата доверия в две тысячи сорок первом году? Народным гневом, братишка. Здесь играют по правилам. Уважают закон. По закону соль жрать не положено – губа треснет. А разгуливать перед посторонним мужиком в ночной сорочке положено? Может стыд здесь считают пережитком буржуазного прошлого?

Марату вспомнился рассказ прадеда – одного из первых коммунаров района. В семнадцатом эти резвые ребята быстро раскумекали что к чему. Объединившись в коммуны, реквизировали все имущество местного помещика. Тот даже возмутиться не успел, настолько быстро оказался у стенки и получил пулю в лоб.

Разделавшись со своим угнетателем, коммунары зажили припеваючи: в кладовых у барина оказалось много припасов. Поскольку жрачки было выше крыши, решили, что светлое будущее уже наступило. Первым делом замутили общую для обоих полов баню, оправдываясь лозунгом «Долой стыд!».

Такая мелочь, как полевые работы, коммунаров не беспокоила. Выходить в поле, выходили, но никто не видел смысла в том, чтобы вкалывать в поте лица. Каждый швырял косу в кусты и спал, пока звонкий удар в рельсу не приглашал коммунаров к обеду.

К осени припасы закончились, а новых, горе-большевички не заготовили. На общем собрании было принято решение расформировать коммуны. Просуществовала она всего полгода, но какой живучей оказалась идея! Все, что Вербицкий успел увидеть в две тысячи сорок первом году, просто-таки пело «Интернационал». Воспитанный в ненависти к любым проявлениям большевизма, Марат не удержался от каверзного вопроса, повисшего на языке.

– А разве соль нельзя купить в сельмаге?

– Вы точно с луны свалились! – всплеснуть руками Дуське помешало то, что одну она успела продеть в рукав халата. – Сельмаги я почти не помню. Они закрылись, когда мне было пять лет. Разве у вас в мегаполисе нет централизованного распределения продуктов для рядовых граждан?

– Я пошутил. Конечно, есть. Как же без централизованного распределения? От каждого по потребности, каждому по труду.

– Вот ведь правильно все говорите, – вздохнула Дуся. – А все равно... Ну, как будто насмехаетесь, что ли...

Пожав плечами, Евдокия вышла. Хлопнула входная дверь. Вербицкий решил воспользоваться тем, что остался один. На цыпочках подкрался к двери комнаты выжившей из ума старушки. Приложил ухо к двери. Тишина. Может бабулька умерла? Девяносто два – не шутка. Сказала дочке свое веское слово и отбыла в мир иной. Наше вам, с кисточкой.

Марат толкнул дверь. Старушка полулежала на задвинутой в угол кровати. Глаза ее были закрыты. Одна рука покоилась на груди. Вторая свисала с кровати, как плеть. На обтянутом дряблой кожей, изможденном, как у узницы концлагеря лице застыла гримаса недовольства.

Вербицкий на цыпочках двинулся к кровати. Сам не знал для чего: то ли пощупать пульс, то ли уловить признаки дыхания.

Эта комнатуха была значительно меньше зала. Все здесь дышало болезнью и старостью, а среди цветов безраздельно владычествовал желтый. Если бы Ван Гог не умер давным-давно, Марат решил бы, что именно старого импрессиониста нанимали расписывать этот покой. Пожелтевшие обои. Уродливые желтые цветы на занавесках. Пятна, возможно мочи, на подушке и простыне. Даже пряди в седых волосах старушки отливали желтизной. Для полного счастья не хватало только знаменитых «Подсолнухов» на стене. Правда, у Ван Гога желтый цвет обозначал солнце и доброту, а здесь – полную безысходность.

Бабка открыла глаза. Вербицкого уже был подготовлен к тому, что в них будет излишек желтого. Догадка пришлась точно в яблочко. Глазное. Зрачки бабули окружал желтый ореол, а на радужке красовались пятна всех оттенков гепатита.

– Ты кто? – прошамкала старушка, почти не двигая губами. – Зачем пришел?

– Человек. Проведать вас пришел.

– Давненько меня не проводывали, мил дружок. Тебя, я слышала, Маратом, зовут.

– Слух у вас отличный.

– И нюх тоже. Когда начинаются проблемы с органами осязания, слух и обоняние обостряются.

– Вы – врач.

– Коровий врач, мальчик. Была ветеринаром в лучшие времена. Не стой. Вид у тебя усталый. Меня зовут Мария Ильинична. Как сестру Ленина. Тоже стала революционеркой под старость. Бояться ведь нечего – сам видишь, что одной ногой уже на том свете.

Вербицкий присел на табурет. Взглянул на прикроватную тумбочку. По законам жанра на ней должны были стоять пузырьки с лекарствами. Больным старушкам напряжно поправлять здоровье, бегая по стадиону. Им не обойтись без валокординов, нитроглицеринов, анальгинов и прочих «инов». Мать Дуси обходилась. Предпочитала всем лекарствам водолечение. На тумбочке стоял только пластиковый стаканчик с водой.

– Ты не смотри, что я с дочкой так... Дуся у меня хорошая. Другие своих стариков в приюты сдают, а она сама за мной ухаживает.

– Приюты? Дома престарелых, да?

– Дома. Скажешь тоже. Одна бабка из такого дома сбежала. Неведомо как до своей хаты добралась. Через полчаса за ней черные приехали, но кое-что рассказать она мне успела. В приюты стариков наших забирают, чтобы поскорее от них избавиться. Страшные вещи там творятся. Освенцим отдыхает...

Странное дело, но Марата не удивило известие о том, что власти не любят стариков. Герр Адольф Шикльгрубер тоже не слишком нянькался с теми, кто не может приносить пользу обществу. Вербицкого интересовало другое. И это другое он должен был вывести у бабки как можно быстрее, до возвращения Дуси.

– Мария Ильинична, вы говорил про атомную электростанцию, этих существ... Лярв. И про войну.

– Говорила и говорю. Лярвы появились из-за радиации. Мы не успели очухаться от Чернобыля, когда взорвалась белорусская АЭС. Одно на другое. Получайте лярв, вместо дешевых энергоресурсов.

– А война?

– Третья Мировая? На нее нам грешить нечего. Все разрушено, Беларуси – хоть бы хны. Не успели ракет по нам выпустить... А остальное – по барабану. К радиации мы привыкли. К вечному военному положению – тоже. Так что мы сейчас на самом деле самые.. кхе... кхе... процветающие. Первые из последних. Лучшие из худших. А ты, милоч, случаем не из службы стабильности? Так меня на откровенность провоцировать бесполезно. Небось, не потащите-то старуху в исправлаг?

– Зачем вы так? Ну, какой из меня провокатор? Видите ли, Мария Ильинична. Я – журналист, – Марат с удивлением обнаружил, что Иешуа Га-Ноцри был прав: говорить правду легко и приятно. – Пишу на исторические темы. Мне хотелось, что бы вы подробнее...

– Хм... Странный ты журналист. Одет, как дестабил. Даже круче. Футболки с изображением Че Гевары носили в мое время самые прожженные нигилисты. Признавайся парень: ты из лесных братьев? Меня не проведешь.

– Нет. Но если честно, то, кажется, я им симпатизирую.

Старушка засмеялась. Смех этот походил на клекот подстреленной птицы. Он сразу перешел в кашель. Вербицкий поспешил подать Марии Ильиничне воды, но та, резким взмахом руки выбила стакан. По полу растеклась лужа.

– Не пью я гадость, которой меня Дуська потчует, – выдохнула бабка перед новым приступом кашля. – Не знаю, что они туда подмешивают, но сдается мне: от ихней воды крыша едет. Под кроватью, сынок... Бутылка...

Марат наклонился. Под кроватью, между пластмассовой «уткой» и стоптанными тапочками действительно лежала стеклянная бутылка, заткнутая свернутым в трубку обрывком бумаги. Вербицкий вытащил импровизированную пробку. Дождался, когда бабуля перестанет трястись от кашля и поднес горлышко к ее губам. Мария Ильинична сделала несколько судорожных глотков.

– Ага. Теперь хорошо. Мне эту водичку соседка приносит. Дождевая. Да. Хорошо. Вот только если доченька узнает, не сносить мне головы. Ладно, Марат. Колись, кто ты и откуда, тогда и я расскажу все, что знаю. Откровенность за откровенность.

Кто и откуда... Сложные задачки ставишь передо мной, Ильинична. Если бы и сказал, ты ведь не поверила бы. На вокзале произошло что-то вроде временного сдвига. Возможно, из-за грозы. Сначала он попал в прошлое. Потом оказался в будущем. Незамысловатая, в общем-то, история. Но Мария Ильинична ветеринар, а не фантаст. Не поверит.

– Хорошо. Я из леса.

– То-то и оно. Вы там все такие любопытные. Правдоискатели. Только теперь-то правду искать поздно. Ну и Бог с ней. Это все лирика, парень. Лярвы – мутанты. Потомки тех, кто остался на зараженной радиацией земле. Началось это давно. Еще после Чернобыля. Стояла тут одна деревенька. Хат-развалюх с десятков. Старики, которым все до лампочки. Молодежь, которой некуда было податься. А чего бы и не остаться? Куры неслись – любо-дорого. Яйца – почти с кулак. В огороде тоже благодать: что в землю не воткнешь, все растет, как на дрожжах. Помидоры, лучок, картошечка. Свиной, само собой выкармливали. Чистым стронцием. Предупреждали жителей, что дозиметры зашкаливают. Только без толку. Не слушали. Когда ж «гробовые» отменили и объявили, что земли возрождать надо, возрождать уже нечего было. Жители той деревни окончательно с катушек съехали. Болтали о конце света. Потом секту основали. Начали в погребах прятаться. Как оказалось – не просто так. Подземные ходы рыли. От дома к дому. Никто и не заметил, когда в деревне никого не осталось. Все, и стар, и млад, под землю ушли. Сначала вроде все тихо было. Только иногда домашняя живность пропадала.

Куры, кошки и собаки заброшенную деревню стороной обходили. Слухи поползли разные. Про леших, да кикимор. Потом – второй взрыв. Новая АЭС на куски разлетелась уже при первом испытании...

– Как же так? – не выдержал Вербицкий. – Ведь обещали самый высокий уровень безопасности!

– Обещать – не значит жениться, – горько усмехнулась Мария Ильинична. – В то время начались серьезные проблемы. Плановая экономика окончательно забуксовала. Кредиты нам давать перестали. Тогда и появились первые цветочки. Коровники, местные гении придумали строить без бетона. Наверное, этот же метод применили и на станции. Строжайшая экономия на всем. Деньги-то, по традиции, разворовали. Ну и построили АЭС из того, что имелось под рукой... Третья Мировая, конечно, многих из наших кредиторов на тот свет отправила. С одной стороны хорошо – долги отдавать не надо. А с другой – просить в долг не у кого...

Старушка сделала паузу. Наверное, чтобы собраться с мыслями.

– Второй удар радиации и привел к тому, что нечисть, прятаясь под землей, стала выбираться на поверхность. В наших местах появились лярвы. Говорят, что по сравнению с другими мутантами они – просто паиньки. В других районах еще хуже. У наших лярв матриархат... Как это называются бабы, что без мужиков живут?

– Лесбиянки?

– Сам ты лесбиянка. Амазонки! Мужиков отлавливают только для воспроизводства. Заставляют себя трахать. Потом убивают и, вроде, съедают. Взглядом загипнотизируют так, что и не рыпнешься. Мой покойный муж рассказывал...

– Я знаю, – Вербицкий кивнул головой. – Сам чуть было, ночью не попался.

– Это лярва тебя по голове огрела?

– Не-а. Тут другое.

– Уходить тебе надо, Марат. Если не хочешь в исправлаге оказаться, перво-наперво переоденься. Пошарь в шкафу. Мой зятек, царство ему небесное, примерно твоего роста был...

– Спасибо за совет, Мари...

Дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о косяк. На пороге стояла Дуська. С фирменной улыбкой на губах и ледяными глазами.

– Я же просила не говорить с ней...

– Прости, Евдокия. Я не думал, что это тебя так расстроит.

– Ничего страшного. Переживу. Соли, к сожалению нет. Пойдемте. Маме нужно отдыхать.

Выходя из комнаты, Вербицкий оглянулся. Старушка поспешно прятала под матрац бутылку с водой. Черт! Он забыл заткнуть пробку...

Марат поспешно сунул комок бумаги в карман. Дуська вроде ничего не заметила. Беда только, что по его вине Мария Ильинична лишится драгоценного запаса воды.

– Мне пора на работу, Марат.

– Да и мне собственно тоже пора... Ехать в мегаполис.

– Конечно. Надо ехать. А то, как же? Вас, небось, обыскались уже...

Тон Дуськи насторожил Вербицкого. Почему она прячет глаза? Зачем тербит край халата так суетливо и нервно? Где ты была, сучка? Не за солью ведь ходила. Не лги. Кому настучала?

Ответ был получен очень быстро. С улицы донесся звук, очень похожий на жужжание пчелы. Он нарастал, превращаясь в рокот автомобильного двигателя.

Спокойно, мон шер Вербицкий. Без паники. Мало кому взбрело в голову прокатиться по агрогородку? Председатель сельисполкома за номером двести одиннадцать осматривает свое хозяйство. Может, этот год объявлен Годом Наведения Порядка на земле или Годом Уничтожения лесов и болот. Дел у председателя невпроворот. Где-то работнички-лентяюги забыли

срубить березку. Или не поставили капкан на лярв. Неполадки в пробирной палатке. За стабильным агрогородком нужен глаз да глаз. Народец требуется держать в узде. Не то соль со склада удобрений тырить начнут...

Марату показалось, что машина проедет мимо. Эту хрупкую надежду разбил в мелкие осколки визг тормозов. Тревожный. Не оставляющий сомнений в том, что приехали за ним. Дуська, падла, все-таки кого-то вызвала.

Когда Вербицкий ринулся в коридор, хозяйка попыталась его остановить. Вытянула руку.
– Убери грабли! – рявкнул Марат, отталкивая женщину.

Дуська послушно отодвинулась в сторону. Видать испугалась неожиданной грубости. Вербицкий подбежал к двери, распахнул ее ударом ноги. От бля! У низенького заборчика стоял автомобиль невиданной конструкции. Что-то среднее между «Нивой» и «УАЗом». Цвета хаки, со снятым верхом. Но не это было главным. К калитке вразвалочку шел старый знакомый Вербицкого. Стабильный, как гранитная скала капрал Байдак. Из-под берета виднелась белая полоска бинта.

Прежде чем, Марат захлопнул дверь, Байдак увидел своего крестника. Рука его метнулась к кобуре. Выстрелит ведь, падла. Цацкаться не станет.

Вербицкий наощупь отыскал крючок, воткнул его в дужку. Слишком хлипкий. Долго не продержится. Марат лихорадочно искал путь к отступлению. Вариантов было не так уж много. Точнее, всего один – окно в зале. Выбраться наружу можно через него. Если эсэнэсовец приехал один, то есть неплохие шансы на побег.

В наполеоновские планы Марата внесла коррективы Дуська. Она вновь преградила ему дорогу. На этот раз уже не рукой, а увесистой скалкой. Маску гостеприимной хозяйки Евдокия сбросила. Теперь на Вербицкого смотрело существо, которое почти не отличалось от лярвы. Мускулистые руки, над которыми Марат втихомолку посмеивался, вкупе со скалкой превратились в серьезное препятствие на пути к свободе. Вербицкий оценил расстояние между стеной и женщиной. В него он собирался проскользнуть. Не вышло – Дуська отреагировала молниеносно.

Первый удар пришелся в плечо. Метательница замахнулась во второй раз. Марат блокировал удар локтем. Взвизгнул от боли и сомкнул ладони на дуськиной шее.

Прости, но если понадобится, я тебя придушу. Без всякого сожаления. Разве я сделал тебе что-то плохое?! Какого же хрена ты меня продала? Будущее не слишком много потеряет, если ты сдохнешь!

Глаза чертовой бабы полезли на лоб, но она все-таки успела двинуть скалкой снизу вверх. По яйцам. О, боже! Марат чудом не прикусил язык. От боли усилил хватку. Евдокия начала бледнеть. Стук! Скалка упала на пол. Марат ткнул растопыренной пятерней Дуське в лицо. Она попятилась, уперлась спиной в стену и кулем сползла на пол.

В два прыжка Вербицкий добрался до зала. Не преминул врезаться в журнальный столик. Охая, теперь уже от боли в колене, влез на подоконник. Слава две тысячи сорок первому году! Всепроникающий прогресс обошел стороной такое полезное изобретение, как старые, добрые шпингалеты. Марат распахнул окно. Перед ним расстилалось картофельное поле. Ровные и довольно глубокие борозды – мечта любого любителя бега по пересеченной местности.

Из коридора доносилось невнятное бормотание обезвреженной Дуськи и грохот – Байдак штурмовал дверь.

Вербицкий прыгнул вниз. Навстречу своей мечте о беге по картофельной ботве, он сделал только один шаг. Удар по голове опрокинул Марата на спину. Байдак приехал не один. Не на того напали. Петенька, тонкоголосый громила, подждал беглеца у окна.

– Готово! – проорал он победным фальцетом. – Я взял эту гадину, товарищ капрал!

Флаг вам в руки, господа эсэнэсовцы. Ваша взяла. Банкуйте. Перед тем, как ухнуть в колодец беспамятства, Вербицкий увидел небо. Белое как простыня. Без единого облачка. И пятно солнца. Желтое на белом.

Глава 6

Разогретый солнцем асфальт жег босые ступни Марата, но он не трогался с места. Никак не мог отвести взгляда от лиц пассажиров, притиснувшихся к окнам поезда. Авария, несомненно, внесла некоторое разнообразие в рутину их поездки. Дома они обязательно расскажут о том, как их поезд сбил пацаненка из провинциального городка, названия которого они так и не запомнили. Это будет дома, а пока... Марат видел расплюснутые о стекло носы любопытных детей. Их папаш, почесывающих волосатые животы. Кто-то прожевывал соленый огурец, которым закусил стопарь водки, кто-то откровенно зевал и поглядывал на свою верхнюю полку. Погиб? Не спорим – погиб. Но мы-то ведь живы! Война войной, а обед и сон – по расписанию.

Промелькнул последний вагон. Затих вдали стук колес поезда-убийцы, а Марат все еще стоял на месте. Не мог заставить себя пересечь рельсы, превратившееся в границу, отделявшую беззаботное детство от жестокого мира, в котором смерть хоть и не очень частое, но вполне обычное явление.

В чувство Марата привел пронзительный вопль автомобильного гудка. Мальчик обернулся и тут же отпрыгнул на обочину. Слишком уж грозной была рожа, которую скорчил водитель бежевого «Москвича». Нервного мужика можно было понять – позади него выстроилась вереница из десятка машин.

Караван из легковушек и грузовиков тронулся в путь. Марат, обретший способность двигаться, наконец, пересек рельсы.

Женный поджидал его за переездом. Опершись на полосатый столбик локтем, он прикурил воткнутую в угол рта сигарету. Блаженно затянулся. Выпустил облачко серого дыма и улыбнулся мальчику как старому знакомому.

Марат остолбенел. Он впервые видел этого человека. Был готов биться о заклад, что никогда его не встречал. В городе с населением в десять тысяч невозможно затеряться дяденьке с такой колоритной и страшной внешностью. Лицо и голова его были сплошной раной. Казалось парня ткнули мордой в горку раскаленных углей и продержали в таком положении не меньше минуты. Кожа зарубцевалась уродливыми буграми, а там где ее не было вообще, проступали багровые пятна спекшихся мышц. Нос был ноздреватым и темно-красным, как переспевшая клубничина. Лоб и голова сделались похожими на вареное яйцо, с которого крайне неаккуратно содрали скорлупу. Кое-где сохранились слипшиеся пучки волос. Ни дать, ни взять – уродливые шипы. Воспаленные и лишённые ресниц веки придавали глазным впадинам сходство с двумя дырами, через которые на земной мир смотрел пришелец с далекой и бесконечно чуждой людям планеты. Планеты без имени, которой даже не нашлось места на звездных картах.

Продолжая улыбаться Марату, Женный поднял сжатую в кулак руку. Наверное, чтобы мальчик не тешил себя иллюзиями: улыбка адресована ему и никому другому. Плащ цвета хаки распахнулась, обнажив грудь уродца. До половины она была обожжена и отливала всеми оттенками баклажана. Ближе к низу живота кожа осталась целой. Контраст фиолетового и белого был таким отгалкивающим, что Марат скривился. Что от него хочет страшный дядька? И почему нет прохожих, к которым можно было бы обратиться за помощью?! Мальчик повернул голову в надежде отыскать хоть кого-то. Прохожие были заняты. Толпились у забора больницы и глазели на припаркованную у крыльца морга «неотложку». Пусть это и звучало кошунственно, но Павлик погиб в очень удобном месте – железнодорожный переезд и зловещее здание с замазанными белой краской окнами разделяли всего каких-то двести метров.

Итак, рассчитывать приходилось только на себя. Он справится, сдюжит. В конце концов, обожженные люди хоть и редко, но встречаются. Взять хотя бы героя-танкиста, фотография которого помещена в районную книгу «Память». Тот выглядел пострашнее Жженого, а никто

его не боялся. Марат и Павлик даже как-то просили у него дефицитные рыболовные крючки. Несмотря на свою внешность, бывший танкист оказался очень добрым и веселым стариканом.

Этот не окажется. Мальчик не мог объяснить почему, но он точно знал – Жженный его ненавидит. Ну и пусть. Это его личное дело. Не набросится же среди белого дня! Марат повернулся к страшному человеку, но того уже и след простыл. О том, что Жженный не был галлюцинацией, напоминал дымящийся окурочок у подножия полосатого столбика...

Очертания предметов начали расплываться. Извилистая лента дороги вздрогнула. Наполненный летним зноем воздух сделался густым, как кисель. «Москвич», напугавший Марата гудком, уже не ехал, а плыл в жарком мареве, не касаясь шинами асфальта.

Вербицкий проснулся, но открывать глаз не стал. Этот сон повторялся с поразительным постоянством уже много лет подряд. Не реже раза в месяц. Он в точности, до мельчайших деталей копировал то, что произошло на самом деле. Однако Марат снова и снова всматривался в свое сновидения, пытаясь отыскать в нем разгадку тайны. Не находил, а продолжить искания не мог. Его выбрасывало в явь. Все заканчивалось на плывущем бежевом «Москвиче». Дальше – только туман, горькое разочарование от того, что разгадка, вильнув хвостиком, вновь ускользала в мир грез и... Пробуждение в уютной холостяцкой кровати.

Марат открыл глаза. Серый, покрытый разводами сырости потолок не мог быть потолком его спальни. Ошарашенный этим открытием, Вербицкий попытался встать. Получилось лишь повернуться набок. Он не мог даже вытянуть руки. При попытке двинуть ими, запястья скрутила боль. Она и помогла вспомнить, что до родимой спальни теперь далеко как до луны.

Дорогуша, ты в будущем, где хозяйничает всеильный капрал Байдак. Мир никак не может оправиться от Третьей Мировой. Дуся сдала тебя с потрохами. Петенька грохнул тебя дубиной по балде и сковал руки за могутной спинушкой.

Марат уперся ступнями в пол. Второй точкой опоры стали растопыренные пальцы. Акробатический трюк удался не с первого раза. Пришлось попрыгать. Вербицкий наконец сел и получил возможность осмотреть свою новую квартиру. Она представляла собой бетонный куб со стороной в два с половиной метра. Без нар и прочих излишеств. Через микроскопическое окошко под потолком пробивался рассеянный тусклый свет – доказательство того, что весь день прошел в отключке и наступил вечер.

Больше всего Марат заинтересовала дверь – конструкция, сваренная из толстых металлических прутьев квадратного сечения. За ней был узкий коридор и точно такая же камера напротив. Чтобы подобраться к двери Вербицкому требовалось встать. Он подобрался к стене и, упираясь в нее спиной, поднялся.

Что ни говори, а два удара по голове с промежутком в несколько часов – многовато. В этом Вербицкий убедился, когда пытался удержаться в вертикальном положении. Неведомые силы толкали его к стене, пол покачивался, а налившаяся чугушной тяжестью голова грозила опрокинуть Марата на спину.

Выписав по камере замысловатую кривую, Вербицкий все-таки добрался до двери – организм начал приспособляться к непростым условиям жизни в две тысячи сорок первом.

Замок на решетчатой двери заменяла небольшая коробочка с прорезью. Картоприемник. Такие штуки Марату доводилось видеть в дорогих гостиницах. Без карты, выдаваемой портье, ты был никем. Пластиковый прямоугольничек открывал перед тобой врата великих возможностей. Позволял подниматься в лифте на свой этаж, отпирать номер, зажигать в нем свет, включать телевизор и, что самое главное – пользоваться мини-баром.

При воспоминаниях о тех славных временах, когда на экране телевизора высвечивалась надпись «Welcome, mr. Verbitsky!» Марат почувствовал умиление и ностальгию. Разве что слезы не навернулись на глаза. Там он был мистером Вербицким. Здесь – падлой, которую во что бы то ни стало надо поставить раком.

Составлению списка претензий к будущему прервал звук, очень похожий на шипение змеи. От неожиданности Марат плюхнулся на задницу. Его, что решили затравить гадюками?! Это – новая, изощренная пытка?

Лишь через несколько бесконечно долгих секунд Вербицкий понял, что шипела не змея, а существо в соседней камере. Бесформенная темная груда на полу шевельнулась. Опять зашипела. Шипение перешло в шум воздуха, вырывающегося из пробитого колеса. Затем неведомый зверь захрапел. Сочно, с оттяжкой. Марат улыбнулся. Как выздоравливающий больной, у которого появился аппетит – верный признак того, что он идет на поправку. Камеру напротив занимал человек. Кто-то с очень крепкими нервами, позволяющими спать даже в такой, пиковой ситуации. Света трубчатых люминесцентных ламп, освещавших коридор, было слишком мало, чтобы увидеть этого героя.

Вербицкий раздумывал будить ли соседа по несчастью, когда послышался лягз и шаги. Перед решеткой появился Петенька с резиновой дубинкой-демократизатором в руке. Похлопывая ею по ладони, он долго смотрел на Марата. Так, словно изучал своего нового подопечного. Наконец верзила соизволил заговорить.

– Очухался, падла?

– Сам ты – падла, – очень буднично, ровным голосом заметил Вербицкий. – И батя твой падлой был и дети падлами будут...

– Ну-ну, – ничуть не обиделся Петенька. – Видно придется разбираться, кто из нас падла. Другого я от тебя и не ждал.

Петенька оставил дубинку в покое. Вытащил из нагрудного кармана карту и сунул ее коробочку на двери. Негромкий щелчок. Эсэнэсовец распахнул решетку, вошел в камеру. Схватил Марата за волосы, рывком поставил на ноги и толкнул к выходу.

– Пшел!

Оказавшись в коридоре, увидел соседка. Короткая перебранка с Петенькой его разбудила. Сжимая обеими руками прутья решетки, на Вербицкого смотрел мужчина лет тридцати пяти. Правда, украшенный недельной щетиной подбородок, опухшее лицо и осовевшие спросонья глаза добавляли ему лет пять-десять. Правильные черты лица, рост чуть выше среднего. Фигуру можно было бы назвать спортивной, если бы не наметившееся брюшко. На высокий лоб свисали сосульки давно немых огненно-рыжих волос, остриженных не так коротко как у остальных, встречавшихся Марату мужчин.

Странно, но беглого взгляда на соседа Вербицкому вполне хватило для того, чтобы почувствовать к нему симпатию. Было в этом парне что-то располагающее... По крайней мере, уже то, что одет узник был не в черную форму, и не в синий комбинезон Марату нравилось.

Если бы Вербицкий встретил его при других обстоятельствах, то принял бы за бомжа. Потрепанный серый пиджак, с дырами на локтях. Под ним – майка не первый свежести. Брюки с пузырями на коленях. На ногах – грубые, даже шапочко не знакомые со щеткой ботинки без шнурков, надетые на босую ногу.

Новый знакомый лишь мельком взглянул на Марата и сосредоточился на эсэнэсовце.

– Эй, командир! Че за дела? Мне пожрать принесут?!

– На том свете нажрешься, Бельский! – ухмыльнулся Петенька. – Закрой поддувало, пока я тебе последние клыки не выбил.

– Я серьезно, начальник! – настаивал Бельский. – Вторые сутки пошли, как маковой росины во рту не было.

– Будет тебе росина и все остальное. Накормят и напоят по самые уши в исправлаге третьей степени.

– За что?! – завопил узник. – Не имеете права... Я ни в чем не виноват!

– Ну, так это не твоя заслуга, – бросил Петя через плечо. – А наша недоработка...

Бельский продолжал бушевать – начал трясти решетку и топтать ногами. Однако эсэнэсовец уже не обращал на него внимания. Он ткнул Марата в плечи концом дубинки.

– Шевели лаптями!

В коридоре было всего четыре камеры. Вербицкий не смог рассмотреть есть ли обитатели в двух других – Петя не позволял останавливаться и оглядываться. Коридор закончился лестницей в один пролет и новой решетчатой дверью. Добравшись до площадки, эсэнэсовец заставил Марата стать лицом к стене. Щелчок. Петя опять воспользовался карточкой.

– Вперед, свиное рыло!

Вербицкий не стал отвечать на оскорбление. Он был занят тем, что старался запомнить каждую мелочь. Авось пригодится, если представится удобный случай сбежать из этого осинового гнезда. Марат не желал попадать в исправлаг третьей степени. Более того – первая и вторая степени его тоже не устраивали.

В новом коридоре, выкрашенном унылой темно-зеленой краской и освещенном все теми же трубчатыми люминесцентными лампами, был десяток серых дверей – по пять с каждой стороны. Без табличек и других опознавательных знаков. Судя по всему, посетители здесь не могли бродить самостоятельно. Их водили и доставляли. Работа тут не бурлила. Было тихо, как в гробу. К две тысячи сорок первому году подавляющее число дестабилов, видать, уже успели определить в исправлагерь. Служакам вроде пегоусого капрала и его подручного явно не приходилось зарабатывать хлеб в поте лица.

Ты, Вербицкий – ископаемое. Один из чудом выживших мамонтов. Отправят тебя в исправлагерь и будут абсолютно правы. Диковинных зверей следует держать в зоопарке.

Путешествие закончилось у последней двери. Марату вновь пришлось стать лицом к стене. Он успел заметить еще один небольшой коридор с решетчатой дверью. Возможно, выход на улицу. Эх, как жаль, что сюда его привезли в отключке! Впрочем, об особенностях этой норы можно спросить у Бельского. Фамильярность, с которой он общался с эсэнэсовцем, говорила о том, что парень неплохо знаком со здешними порядками.

Ты на полном серьезе думаешь о побеге, дурачок? Окстись! Оказаться гораздо дальше чем у черта на куличках, навешать плюх представителю власти и строить какие-то планы. Ну и нахал же ты, Вербицкий!

Петенька, которого никак нельзя было заподозрить в вежливости, постучался. В ответ донеслось неразборчивое бормотание.

Марата втокнули в кабинет, отличавшийся от камеры только размером, наличием мебели, да нормального окна. Почетное место здесь занимал сейф. Стальной великан наверняка хорошо помнил прошлое столетие. Углы его облупились, а слои краски, как годовые кольца рассказывали о преклонном возрасте сейфа. В полуоткрытой дверце торчал простой ключ, на который капрал Байдак повесил свой черный китель. Сам он откинулся на спинку стула, а ноги устроил на письменном столе необъятных размеров. Под кителем Байдак носил форменную майку – черную, с биркой «СНС». Бычьей его шею обвивала массивная серебряная цепочка с куланом. В центре был выгравирован сжатый кулак, а по ободку шла надпись «Служба Национальной Стабильности».

Судя по капелькам, запутавшимся в пегих усах, пустому стакану на столе и отчетливому запаху спиртного, капрал успел поправить себе настроение. И не один раз. Из-под берета на Вербицкого смотрели мутные глаза.

Марат опустил голову, но и рассматривать грязные подошвы капральских сапог тоже не хотелось. Начать разговор первому? Почему-то Вербицкому казалось, что пьяный Байдак и притихший за спиной Петенька только этого и ждут. Хрен вам на постном масле. Поиграем в молчанку. Вербицкий бывал в похожей ситуации, когда за слишком смелые высказывание в адрес власти был вызван на ковер к большому начальнику. Тот ровным счетом ничего не смыслил в газетных делах, но выстроил беседу настолько виртуозно, что Марат даже позавидовал

ловкости чиновника, который в заключение заметил елейным голоском « Вопросы больше нет? Тогда – до свидания!».

Вопросов у Вербицкого не было с самого начала, а получилось так, будто он пришел в кабинет по собственной инициативе.

Решив молчать до последнего, Марат продолжил осмотр кабинета. Поразительно, но в логове Байдаке имелись цветы. Несколько разномастных горшков с чахлыми растениями неопределенной породы стояли на подоконнике. Выглядели они так, будто находились при последнем издыхании. Причину, очевидно, следовало искать в пузатом графине, наполненном желтоватой жидкостью. Байдак вполне мог поливать цветы собственной мочой. С него станется. Однако Вербицкий был уверен – это не моча, а разновидность здешней воды, которую не желала пить Мария Ильинична. Чахлые цветы. Рожь, которая почти ничем не отличалась от стальной проволоки. Беспричинно улыбающиеся люди. Кое-что начало вырисовываться. Старушка права – они что-то подмешивают в воду. Сами не лыбятся – значит, не пьют эту гадость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.